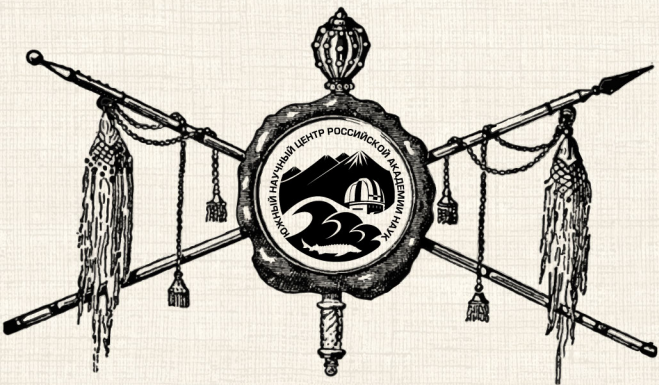

ISSN 3033-7763

Июль – Сентябрь
July – September

2026

К

Научный журнал **Том 2/ Номер 3**

АЗАКОВЕДЕНИЕ

Scientific journal "Kazakovedenie" **Vol. 2/ No. 3**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК» (ЮНЦ РАН)

Научный журнал
КАЗАКОВЕДЕНИЕ
(16+)

Сетевое издание

Том 2. № 3
2026

Основан в 2024 г.
Выходит 4 раза в год

ISSN 3033-7763

Главный редактор:
Матишов Геннадий Григорьевич, академик РАН

Редакционная коллегия:

Баранов Андрей Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Бритвин Николай Николаевич, общественный деятель, генерал-полковник (Ростов-на-Дону)
Венков Андрей Вадимович, д.и.н. (заместитель главного редактора) (Ростов-на-Дону)
Волвенко Алексей Александрович, к.и.н. (Таганрог)
Колесников Владимир Александрович, к.и.н. (Ставрополь)
Колесникова Марина Евгеньевна, д.и.н. (Ставрополь)
Лукьяшко Сергей Иванович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Малов Александр Витальевич, к.и.н. (Москва)
Матвеев Олег Владимирович, д.и.н. (Краснодар)
Матвеева Наталья Сергеевна, к.и.н. (Москва)
Мининков Николай Александрович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Очиров Уташ Борисович, д.и.н. (Элиста)
Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна, д.и.н. (Новочеркасск)
Ратушняк Олег Валерьевич, д.и.н. (Краснодар)
Рвачева Ольга Владимировна, д.и.н. (Волгоград)
Рыблова Марина Александровна, д.и.н. (Волгоград)
Сень Дмитрий Владимирович, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Скорик Александр Павлович, д.и.н., д.филос.н. (Новочеркасск)
Тюменцев Игорь Олегович, д.и.н. (Волгоград)
Худобородов Александр Леонидович, д.и.н. (Оренбург)
Шадрина Алла Валерьевна, д.и.н. (Ростов-на-Дону)
Яровой Андрей Викторович, д.филос.н., к.соц.н. (Зерноград)
Бевза Татьяна Гарриевна (ответственный секретарь) (Ростов-на-Дону)

Утвержден ученым советом ЮНЦ РАН

Издание осуществляется при поддержке ЮНЦ РАН (Ростов-на-Дону)

Сетевое издание «Научный журнал "Казаковедение"»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-88811 от 02 декабря 2024 г.

Адрес редакции: 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41;
е-mail: kazak@ssc-ras.ru
Адрес сайта: <http://kazak.ssc-ras.ru>

© ЮНЦ РАН, 2026

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE "FEDERAL
RESEARCH CENTRE SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES" (SSC RAS)

Scientific journal

KAZAKOVEDENIE

(16+)

Online Media

Volume 2. No. 3
2026

First published in 2024
There are 4 issues a year

ISSN 3033-7763

Editor-in-Chief:

Matishov Gennadij Grigor'evich, D.Sc. (Geography), the academician of RAS

Editorial Board:

Baranov Andrej Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Britvin Nikolaj Nikolaevich, Public figure, Colonel-General (Rostov-on-Don)
Venkov Andrej Vadimovich, Dr (History), Editor (Rostov-on-Don, Russia)
Volvenko Aleksey Aleksandrovich, PhD (History) (Taganrog, Russia)
Kolesnikov Vladimir Aleksandrovich, PhD (History) (Stavropol', Russia)
Kolesnikova Marina Evgen'evna, Dr (History) (Stavropol', Russia)
Luk'yashko Sergej Ivanovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Malov Aleksandr Vital'evich, PhD (History) (Moscow, Russia)
Matveev Oleg Vladimirovich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Matveeva Natal'ya Sergeevna, PhD (History) (Moscow, Russia)
Mininkov Nikolaj Aleksandrovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Ochirov Utash Borisovich, Dr (History) (Elista, Russia)
Pankova-Kozochkina Tat'yana Viktorovna, Dr (History) (Novocherkassk, Russia)
Ratushnyak Oleg Valer'evich, Dr (History) (Krasnodar, Russia)
Rvacheva Ol'ga Vladimirovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Ryblova Marina Aleksandrovna, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Sen' Dmitrij Vladimirovich, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Skorik Aleksandr Pavlovich, Dr (History), Dr (Philosophy) (Novocherkassk, Russia)
Tyumencev Igor' Olegovich, Dr (History) (Volgograd, Russia)
Hudoborodov Aleksandr Leonidovich, Dr (History) (Orenburg, Russia)
Shadrina Alla Valer'evna, Dr (History) (Rostov-on-Don, Russia)
Yarovoj Andrej Viktorovich, Dr (Philosophy), PhD (Sociology) (Zernograd, Russia)
Bevza Tat'yana Garrievna, Assistant Editor (Rostov-on-Don, Russia)

Approved by the Academic Council of the SSC RAS

The publication is supported by the SSC RAS (Rostov-on-Don)
The online publication "Scientific Journal KAZAKOVEDENIE"
is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media;
registration number: series EI No. FS77-88811 dated December 2, 2024

Editorial Office: 41 Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006;
e-mail: kazak@ssc-ras.ru
URL: <http://en.kazak.ssc-ras.ru>

© SSC RAS, 2026

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Венков А.В.</i> Донские казаки в преддверии войн «Николаевской России»	5
<i>Матишов Г.Г., Венков А.В.</i> Казаки на турецком фронте в 1916 году	16
<i>Скорик А.П.</i> Буденный как теоретик политики показачивания на Северном Кавказе во второй половине 1920-х гг.	28
<i>Скорик А.П.</i> Осуществление социально-политической кампании «За советское казачество» на Юге России в 1930-е гг. (к 90-летию исторического события)	40

КАЗАЧЕСТВО В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

<i>Горбенко В.П.</i> Очерк истории русско-черкесских отношений	95
---	----

ИЗЫСКАНИЯ КРАЕВЕДОВ

<i>Карташов Ю.И.</i> 5-й Донской казачий кавалерийский корпус. Личный состав. Обнаруженные на Верхнем Дону ветераны	105
---	-----

SCIENTIFIC ARTICLES

<i>Venkov A.V.</i> Don Cossacks on the Eve of the Wars of "Nicholas's Russia"	5
--	---

<i>Matishov G.G., Venkov A.V.</i> Cossacks on the Turkish Front in 1916	16
--	----

<i>Skorik A.P.</i> Budyonny as a theorist of the "Cossackization" policy in the North Caucasus in the second half of the 1920s	28
--	----

<i>Skorik A.P.</i> Implementation of the socio-political campaign "For Soviet Cossacks" in the South of Russia in the 1930s (on the 90 th anniversary of the historic event)	40
--	----

COSSACKS IN THE POPULAR CONSCIOUSNESS

<i>Gorbenko V.P.</i> Essay on the History of Russian-Circassian Relations	95
--	----

RESEARCH BY LOCAL HISTORIANS

<i>Kartashov Yu.I.</i> The 5 th Don Cossack Cavalry Corps. Personnel. Veterans Discovered on the Upper Don	105
---	-----

УДК 94(470.6)»1930/2026»

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАМПАНИИ «ЗА СОВЕТСКОЕ КАЗАЧЕСТВО» НА ЮГЕ РОССИИ В 1930-е гг. (К 90-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ)

© 2026 г. А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
им. М.И. Платова (Новочеркасск, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу позитивного опыта взаимодействия властей с казачеством в преддверии Великой Отечественной войны. 18 февраля 1936 г. в газете «Правда» вышла редакционная статья «Советские казаки», где утверждалось, что «казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству». Эта статья, а также тезисы съезда передовиков животноводства, прошедшего в Москве 13–16 февраля 1936 г., где выступали специально приглашенные представители донских и терских казачьих колхозов, ознаменовали начало кампании под лозунгом «За советское казачество!».

Эта кампания включала пять направлений: 1) пропаганда позитивного образа советского колхозного казачества; 2) использование трудового потенциала казаков в хозяйственном строительстве; 3) реорганизация частей РККА в казачьи кавалерийские соединения; 4) усиление военно-патриотического воспитания казачьей молодежи и поддержка движения «ворошиловских кавалеристов»; 5) сохранение и развитие культурных традиций казачества.

К сожалению, во многих исторических и публицистических работах эта кампания освещается лишь в контексте создания казачьих частей, хотя в определенный период советская власть проявила интерес к интеграции казачества в новую социально-экономическую систему. Об этом свидетельствуют официальные установки, подчеркивавшие легитимность и социальную ценность казачьей идентичности в советских условиях: акцентировалась готовность советского казачества, в том числе казачества колхозного, к проявлению трудовой и боевой доблести в интересах государства. На практике это нашло отражение в активизации хозяйственной деятельности в казачьих регионах Юга России: развернулось соревнование за выполнение и перевыполнение производственных планов, особое внимание уделялось развитию коневодства как традиционно значимой для казачества отрасли.

Таким образом, кампания «за советское казачество» предстает как масштабное и многоплановое историческое явление, обладающее самостоятельной исследовательской ценностью.

Ключевые слова: большевики, «ворошиловские кавалеристы», казаки-колхозники, казачья молодежь, культура казачества, ментальность, советские казаки, территориальные казачьи части, хозяйственный уклад, этносоциотип.

Публикация подготовлена в рамках реализации плана научных мероприятий Платов-центра Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова на 2026 г.

IMPLEMENTATION OF THE SOCIO-POLITICAL CAMPAIGN “FOR THE SOVIET COSSACKS” IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 1930s (ON THE 90TH ANNIVERSARY OF A HISTORIC EVENT)

A.P. Skorik

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk, Russia)

Abstract. This article analyzes the positive aspects of interaction between the authorities and the Cossacks, a notable phenomenon of Soviet reality on the eve of the Great Patriotic War. On 18 February 1936 the mouthpiece of the Bolshevik Party, the newspaper Pravda, published an editorial titled “Soviet Cossacks,” which stated that “the vast majority of the Cossacks have become accustomed to the collective-farm system and have embraced Soviet power, putting an end to the cursed past when the Cossack regions, particularly the Don and Kuban, were strongholds of counter-revolution and anti-Soviet sabotage. The Cossacks have become Soviet not only in nationality, but also in spirit, aspirations, and loyalty to Soviet power and to collective-farm construction.” Together with the Congress of Animal Husbandry Leaders held in Moscow on 13–16 February 1936, where specially invited representatives of Don and Terek Cossack collective farms spoke, this editorial marked the start of the campaign under the slogan “For the Soviet Cossacks!”

The campaign had five main directions: (1) promoting a positive image of the Soviet collective-farm Cossacks; (2) mobilizing the Cossacks' labour potential for economic construction; (3) reorganizing RKKA units into Cossack cavalry formations; (4) strengthening military-patriotic education among Cossack youth and supporting the “Voroshilov Cossacks” movement; and (5) preserving and developing Cossack cultural traditions. Unfortunately, many historians and publicists today reduce the campaign to the mere creation of Cossack military units, often overlooking the Soviet government's broader turn toward Cossack issues — a turn that declared “the title of Cossack not a disgraceful title but one proudly borne by Cossack collective farmers” and asserted that Soviet Cossacks, having embraced collective farming, “will demonstrate heroism and courage on the battlefields in the ranks of the Workers' and Peasants' Red Army” if enemies attack the homeland. Cossack regions of southern Russia entered real competition over performance: Cossacks strove for better production results, exceeding targets, and for decisive improvements in horse breeding. Thus, the campaign “For the Soviet Cossacks” was a broad, frontal, large-scale historical phenomenon and a distinct subject for further research.

Keywords: Bolsheviks, “Voroshilov Cavalry”, Cossack collective farmers, Cossack youth, Cossack culture, mentality, Soviet Cossacks, territorial Cossack units, economic system, ethnosociotype.

I. Вопросы теории

Говоря о мотивах и характере социально-политической кампании «за советское казачество», стартовавшей 90 лет назад, следует отметить, что данная научная проблема освещена еще недостаточно, если отойти от обобщенных оценок, вникать в детали отдельных событий и структурировать разнообразные конкретно-исторические материалы о тех годах. До настоящего времени актуален заданный в 1997 г. известным кубанским историком В.Е. Щетневым вопрос: «Что означала статья в “Правде” о “советском казачестве”, опубликованная в 1936 году?» [1, с. 19]. Зачем вообще советской власти, стремившейся «рассказывать» казаков путем превращения их в колхозников, понадобилось особо выделять казачьи сообщества в общей массе колхозного крестьянства? Какие цели преследовало при этом советское

руководство: стремилось ли оно все-таки использовать военно-мобилизационный и хозяйственно-производственный потенциал казаков, хотело ликвидировать возможные социальные основы формирования «пятой колонны» или добивалось чего-то еще? Возможно, большевики намеревались закрепить произошедший поворот казачьей молодежи в сторону советской власти? В поисках ответов на поставленные и пока не обозначенные вопросы попробуем разобраться в истоках, содержании и значении кампании «за советское казачество».

18 февраля 1936 г. рупор партии большевиков, газета «Правда», вышла с редакционной статьей «Советские казаки», где утверждалось: *«Основная и подавляющая масса казачества сжилась и сроднилась с колхозным строем, сжилась и сроднилась с советской властью, покончив с проклятым прошлым, когда казачьи районы, особенно Дон и Кубань, были оплотом контрреволюции и гнездом антисоветского саботажа. Казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству»* [2]. Выход этой статьи и прошедшее в Москве 13–16 февраля 1936 г. Всесоюзное совещание (съезд) передовиков животноводства, где выступали специально приглашенные представители донских и терских казачьих колхозов, ознаменовали начало кампании под лозунгом **«За советское казачество!»**. И сегодня эта череда исторических событий трактуется как рубеж, с которого начался очередной кардинальный поворот в политическом курсе советской власти и правящей партии большевиков в отношении казачества. Тем не менее на этом фоне выглядит экстраординарной срочная доставка на самолетах в Москву делегации из 5 донских казаков Северо-Донского округа на съезд передовиков животноводства. К их удивлению, сам И.В. Сталин был на съезде, пожимал им руки, хлопал в ладоши во время выступлений и добродушно смеялся, о чем они потом долго вспоминали по возвращении домой.

Секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края В.М. Лукин 28 марта 1936 г. писал первому секретарю крайкома ВКП(б) Б.П. Шелобдаеву: *«История посылки в Москву делегации казаков от Дона Вам известна, хочу только сообщить – делалось это очень быстро – срок нам был дан не более 12 часов, и отправить мы могли из подготовленных 12 чел[овек] лишь 5 колхозников[-]казаков и, кажется, в составе делегации не ошиблись, [это] люди которые смогли неплохо выступить»* [3, л. 58–61] (последние слова Лукина звучат как вздох облегчения: ну, слава Богу, повезло, хоть и выбирали наугад, но случайно выбрали достойных людей!). Но, даже, несмотря на такую вынужденную оперативность, делегация донских казаков все равно опаздывала на съезд, и поэтому ее под давлением обстоятельств привезли в Москву на самолетах. Донские казаки-колхозники с искренней радостью рассказывали с трибуны участникам съезда (Всесоюзного совещания стахановцев животноводства) о своем путешествии на самолетах [4, л. 40], в частности заведующий животноводством колхоза «Знамя колхозника» Мигулинского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края Флор Максимович Ссылков [5, с. 55] и заведующий свиноводческой товарной фермой колхоза имени В.Ф. Ларина Тарасовского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края Федор Тимофеевич Токмачев [6, с. 62–63].

Факт опоздания в Москву на съезд казачьей делегации, возникшего из-за нерасторопности руководства Азово-Черноморского края (правда, по вине представителей высших партийно-советских органов, в последний момент решивших на-

править на съезд животноводов делегацию донцов), может рассматриваться как очередное доказательство крайне слабой подготовки кампании «за советское казачество». И это при том, что именно первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев достаточно определенно высказывался за доброжелательное отношение к казакам-колхозникам.

Вероятно, именно И.В. Сталин лично распорядился вызвать на Всесоюзное совещание передовиков животноводства с руководителями партии и правительства казаков-колхозников из Северо-Донского округа Азово-Черноморского края. В качестве одного из обоснований данного предположения служит способ транспортировки казаков: авиаперелет был доступен далеко не каждому гражданину СССР. Очевидно, что решение о доставке донцов на съезд самым скоростным видом транспорта принималось именно в Москве – вероятнее всего, И.В. Сталиным. Можно также предположить возможное влияние на это решение М.А. Шолохова, неоднократно выступавшего в защиту интересов донского казачества, однако прямого документального подтверждения данной гипотезы обнаружить не удалось.

Очевидно, кампания была направлена на формирование ощутимой социальной поддержки осуществляемому в 1930-е гг. колхозному строительству. При этом начальный этап ее реализации отличался сумбурностью и непроработанностью.

Формирование нового отношения к казачеству, по всей видимости, ориентировалось на укрепление социальной опоры власти в условиях нарастания военной угрозы на международной арене и необходимости обеспечения социальной устойчивости в Северо-Кавказском регионе. Это вполне объяснимо с позиций последующего исторического знания о коллаборационизме в среде казачества в годы Великой Отечественной войны. Кампания четко и однозначно определила, что «советскому казачеству быть». Тем самым перспективно был обозначен **исторический вектор формирования новой социальной общности – советского казачества**, которое должно было иметь объединяющую идею лояльности советской власти, тогда как иные внутригрупповые различия и особенности утрачивали в такой ситуации первостепенное значение.

Именно военно-патриотический подъем выступал одним из генерализующих факторов развернутой во второй половине 1930-х гг. социально-политической кампании «за советское казачество». Этому также способствовали наметившиеся к середине 1930-х гг. такие факторы, как укрепление колхозной системы и резкое сокращение числа единоличных хозяйств. На Юге России в первой половине 1934 г. насчитывалось 380,7 тыс. хозяйств единоличников, на 1 января 1935 г. – уже 317,8 тыс., на 1 января 1936 г. – лишь 76,4 тыс., или 20 % от уровня 1934 г. [7, с. 385]. К середине 1930-х гг. власти уже не опасались, что единоличники могут примером своей успешной хозяйственной деятельности побудить колхозников выйти из коллективных хозяйств, хотя ранее такая социальная опасность расценивалась как вполне реальная. Как отмечал на июльском совещании 1934 г. в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев, на Юге России *«единоличник соблазняет менее устойчивую часть колхозников»* [8, с. 179]). Таким образом, позиции коллективных хозяйств заметно укрепились, в том числе и в казачьих регионах Юга России, а единоличных хозяйств – существенно ослабли.

К историческому рубежу середины 1930-х гг. среди казаков Юга России, особенно среди казачьей молодежи, заметно усилились проколхозные и просоветские

настроения. Они мастерски использовали власть для преодоления деструктивного импульса коллективизации и неумелого хозяйствования во многих колхозах, в частности для восстановления коневодства, которое имело военно-политическое значение. Можно говорить и об определенной причастности (через распространение произведений и реальное участие в местной жизни) к развертыванию социально-политической кампании «за советское казачество» великого донского писателя М.А. Шолохова. Сама же эта кампания способствовала заметному укреплению межказачьего единства в рамках всего южнороссийского региона, что также подчеркивает ее военно-политическую подоплеку. Для власти было принципиально важно именно объединенное советское казачество. Это, в свою очередь, **породило в казачьей среде глубинные надежды на восстановление казачьей автономии** – в русле раннесоциалистической традиции советско-республиканского устройства. Однако подобные устремления изначально не могли быть реализованы.

Тем не менее в 1936 г. донские казаки К. Крючок, Маляхов, Самсонов (в источнике указываются только лишь фамилии. – А. С.) написали И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и С.М. Буденному письмо, в котором благодарили «вождей» за проказачьи постановления и обещали верно служить советской власти: *«Шлём пламенный привет и Великую любовную благодарность [за] постановления [о] Красной казацкой военной службе. Мы обещаемся и будем при всяких попытках буржуазии защищать наш Советской Союз стойко и крепко и ни одной минуты не бросим в неопоре»*. Казалось бы, обычное верноподданническое послание, однако после всех благодарностей и заверений в верности казаки написали нечто крамольное: *«Просим организовать между нами Красно-Казацкую Автономную Советскую Социалистическую Республику [выделено нами. – А. С.]. Дабы более нам, Красным казакам, сплотиться на отпор буржуазии, также и не быть с другими национальностями и иметь право [на автономию], как и все остальные нации. Просим и Ц.И.К. разрешить это предложение и опубликовать в газетах»*. При этом авторы письма утверждали, что это пожелание ими выражено «со слов усах казаков – донских, кубанских и *партикулярная культура являлась первостепенной задачей, а ее реальное обеспечение было невозможно без позиционирования элементов казачьей культуры. С другой стороны, сохранялись и две иные социокультурные тенденции. Усиление индустриального развития региона предопределило проникновение в казачьи станицы городской культуры или, по очень меткому выражению П.Н. Краснова, культуры “пиджачников” [10, с. 160], для которых казачье происхождение и казачья культура становились явно второстепенными по сравнению с их новым социальным позиционированием.

Проживание в численно преобладающей крестьянской среде также воздействовало на казачью культуру. В процессе культурного заимствования все чаще размывались внешние отличия казаков от крестьян. Крестьяне и казаки становились теперь частью единого социального явления – колхозного крестьянства. **Исторически закрепился и соответствующий термин – «казаки-колхозники», равнозначный другому историческому понятию – «советское казачество»**. Однако обеспечение достойного уровня культуры быта казачества Юга России в 1930-е гг. оказалось серьезной социально-экономической проблемой. Ее главной причиной выступал кризис колхозной экономики, ставший прямым следствием форсированной коллективизации. С другой стороны, казачество – это не только однажды исторически достигнутый результат, но и социальная задача, которая должна решаться снова и снова. Это и специфический

тип мировоззрения, и образ жизни, который формируется в процессе жизни внутри сообщества и в отношениях внутри своей семьи и с соседями, с земляками-односельцами, представителями других народов и социальными группами. Птица видна по полету, говорит старая пословица. Вот так же и казаки узнавались и узнаются по их поступкам, а эту поступок не усвоишь в один день.

В связи с этим вспоминается один из сюжетов «Поднятой целины», тот, где Семен Давыдов встречается на полевом стане одной из своих колхозных бригад с Иваном Нестеренко – секретарем райкома. Нестеренко приехал в бригаду на заре, когда утомленные пахотой колхозники (и Давыдов, пахавший вместе с ними) еще спали. Не спала только стряпуха Куприяновна, пытавшаяся раздуть костер и приготовить бригаде завтрак. Нестеренко помог кухарке разжечь костер, начистить картошки, и, в конце концов, покорила Куприяновну своей простотой и обходительностью. Поэтому, когда он, побеседовав с Давыдовым, уезжал из бригады, Куприяновна очарованно смотрела ему вслед и громко выражала свое восхищение: *«Ну, вылитый казак, да ишо старинной выправки!»*. Когда же Давыдов сказал, что Нестеренко не казак, а украинец (что являлось чистой правдой), Куприяновна «вспыхнула, как сухой порох: – Ты своей бабушке сказки рассказывай, а не мне! Я тебе точно говорю, что он истый казак! Неужто тебе глаза залепило? Его издаля по посадке угадаешь, а вблизи – по обличью, по ухватке, да и по обхождению с женщиной видеть, что он казачьей закваски, не из робких...» [11, с. 379].

Важно в данном случае не то, что Куприяновна нечаянно ошиблась, приняв «холода» Нестеренко за казака, а ее искренняя убежденность в том, что настоящего казака, будь он хоть колхозник, хоть единоличник, хоть красноармеец можно отличить от русского или украинца по стилю поведения, манере общения и т.д. Точно такая же убежденность в своей особости, непохожести на иногородних оставалась присуща в 1930-х гг. и многим колхозникам-казакам Дона, Кубани и Ставрополья.

Вопреки расхожим суждениям, рассказывания как целенаправленной политики советской власти по поголовному уничтожению казачества в годы коллективизации не было. Дискретность данной стратегии большевиков в отношении казачества очевидна. Попытки развернуть такую политическую стратегию в целом ряде антиказацких акций в ходе коллективизации на Юге России по большому счету не увенчались успехом. Мы нисколько не отрицаем известный исторический сюжет о «чернодосочных станицах» и иных подобных разномасштабных историях, но и не склонны преувеличивать их значение. Свой авторский ответ мы уже опубликовали [12, с. 74–82].

Устремлениям власти предрешающих превратить казачество в социального аутсайдера не суждено было сбыться. Казачество по-прежнему ментально обособлялось и тяготело к своим историческим корням, в значительной мере преодолевая внутриказацкие разногласия. А с началом кампании «за советское казачество» прослеживается **историческая тенденция консолидации казачества в рамках общности колхозного крестьянства**. Казаков в обиходе так и называли – «казаки-колхозники». Вопрос о том, была ли это социальная эксклюзия, пока остается открытым. Насколько казачество смогло вернуть утраченные позиции? Очевидно, что такая тенденция четко обозначилась. Было ли советское казачество человеческой и/или большевистской иллюзией? И да, и нет. Да, власть стремилась создать такую общность, закономерно рассчитывая в рамках предлагаемой идеологической конструкции решать свои насущные социально-политические задачи. Большинство

казаков действительно, говоря языком того исторического времени, повернулось лицом в сторону советской власти. Однако это вовсе не дает повода опровергать или отрицать факты репрессирования части казачества и во второй половине 1930-х гг. Реадаптация казачества к новым историческим условиям означала, что оно выполняло жизненно важные для общества и государства социальные функции. Глубокое изучение архивных материалов позволили автору доказать в ряде работ историческую документальность произведений известного российского и донского писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе М.А. Шолохова [13, с. 135–137]. А это, в свою очередь, дает нам возможность утверждать исключительную важность использования в научном поиске историко-литературоведческого анализа (**метода «говорящего мегатекста»**) в качестве теоретико-познавательного способа изучения южнороссийского казачества.

Отдельного упоминания в **эпистемологической составляющей** регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве заслуживает такой теоретико-познавательный подход, как создание новых исторических образов в познании изучаемого явления. К сожалению, в исторической литературе сложилось немало исторических стереотипов, не отражающих социальную реальность. Например, в отношении исследуемого нами исторического периода 1930-х гг. долгое время господствовал исторический образ южнороссийского казачества как исчезающего исторического явления в результате политики расказачивания. По этой логике казачество после Гражданской войны должно было практически исчезнуть. Долгое время муслировался концепт о некоем латентном расказачивании. Кампания «за советское казачество», развернувшаяся с середины 1930-х гг., не воспринималась исследователями всерьез и упоминалась как некий совершенно частный исторический сюжет на фоне доминирования генеральной линии большевистской партии, проводящей целенаправленную политику расказачивания в казачьих регионах. Именно этот исторический образ (устоявшийся стереотип) мы и пытаемся опровергнуть в своих конкретно-исторических исследованиях.

Мы предлагаем для российской историографии новый исторический образ казачества, в большинстве своем признавшего советскую власть и получившего в 1930-е гг. партийно-государственную поддержку. Отсюда и происходит **устойчивый исторический миф об исчезновении казачества в изучаемый период**. Однако наивно думать, что тогда существовал единственный исторический образ южнороссийского казачества. В казачьей среде оставалось немало скрытых противников советской власти (причем не только бывших активных участников белоповстанческого движения), допускавших даже вероятность успешной иностранной военной интервенции против СССР. Именно из их числа позже в годы Великой Отечественной войны появились казаки-коллаборационисты. Исторический образ скрытых противников советской власти мы также показываем в ряде своих работ, в частности [14, с. 131, 135–145; 15, с. 72–76]. Мы обращаемся к историческому образу казаков-эмигрантов, часть из которых с новыми надеждами вернулась на свою малую родину в 1920-х гг., а уже в 1930-х гг. попала под политические репрессии. Это отдельный сюжет, отчасти уже нашедший своего исследователя [16], рассмотренный на уровне докторской диссертации [17] и весьма примечательный в локусе судебных отдельных казаков-реэмигрантов [18, с. 276–303]. Не менее интересен для нас исторический образ «красных партизан», т.е. тех казаков, которые в тылу бе-

лых армий пытались по-своему воевать за советскую власть. Бывшие красные партизаны пользовались некоторыми привилегиями и в 1930-е гг. (см. подробнее: [19, с. 104–114]).

Действительно, репрессии против казаков Юга России продолжались до конца 1930-х гг. и даже после Великой Отечественной войны. В частности, кубанские казаки из станицы Новолеушковской, воспоминания которых положил в основу своей монографии В.К. Панфилец, отмечали, что даже в ходе кампании «за советское казачество» «аресты не прекратились»; «врагов народа» среди станичников «находили вплоть до 1950[-го] года» [20, с. 119].

Справедливости ради надо подчеркнуть, что не всегда факт службы в белой армии мог нанести непоправимый вред казаку-колхознику, так как учитывались и его заслуги на поприще «колхозного строительства». Например, Вешенский райком ВКП(б) в феврале 1936 г. рассмотрел дело С.Г. Попова, местного уроженца, сына «казака-каменьщика» хутора Кочетового. Члены райкома констатировали, что во время Гражданской войны Попова дважды мобилизовали в состав белоказачьих формирований, но с декабря 1919 г. он связал свою судьбу с Красной армией, затем – с милицией. С 1924 по 1928 г. работал председателем комбеда, принял активное участие в коллективизации, и в 1933 г. стал председателем Терновского колхоза. Он пробыл на этой должности до 1934 г., когда его исключили из компартии «за вредительское отношение по уходу за скотом и срыв весеннего сева». Далее члены райкома отмечали, что вскоре Попова восстановили в партийных рядах «в связи с тем, что обвинение во вредительстве и срыве сева ни на чем не обосновано» (иными словами, сына «казака-каменьщика», вероятно, оклеветали). Попова восстановили и в прежней должности, причем он сумел вывести вверенный ему колхоз в число передовых. Учитывая тот факт, что Попов никогда не скрывал своей службы в белой армии, члены Вешенского райкома охарактеризовали его как «преданного, добросовестного работника», решили утвердить восстановление его в ВКП(б) и просить Азово-Черноморский крайком компартии выдать ему партийный билет [21, л. 46–47].

Пример С.Г. Попова, который не является единичным, лишний раз доказывает, что в основе большевистской политики по отношению к казачеству лежали все же классовые, а не узкосословные принципы. Если казак имел устраивающее большевистский режим социальное происхождение, не отличался особой антисоветской активностью во время Гражданской войны и не являлся непримиримым врагом советского устройства в последующие годы, он мог рассчитывать на доброжелательное отношение к себе со стороны властей. Напротив, «классово-чуждые» казаки считались объектами репрессий. Другое дело, что классовые принципы часто игнорировались местными руководителями и активистами, негативно настроенными по отношению к казакам.

Социокультурная составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве сопряжена с культурной трансформацией казачества, когда оно из преимущественно военно-служилого сословия Российской империи превращается в 1930-е гг. в часть колхозного крестьянства, имеющего особое отношение к воинской службе. На протяжении 1930-х гг. **казачьи станицы Дона, Кубани и Терека прошли в своем развитии два этапа**, в рамках которых господствовали прямо противоположные тенденции культуры и быта. Во время первого этапа (первая половина 1930-х гг.) доминировали негативные тенденции, возник-

шие как прямое следствие коллективизации и выражавшиеся в резком сокращении продовольствия и ухудшении его качества, потребляемого казаками, разрушении казачьих станиц, и т.д.

Напротив, во второй половине 1930-х гг. в результате общего организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, а также вследствие кампании «за советское казачество» в сфере быта и культуры хуторов и станиц Юга России возобладали позитивные тенденции: улучшилось материальное обеспечение колхозников; активно создавались сельские учреждения культуры, просвещения, образования, здравоохранения и пр. Разность двух указанных этапов развития коллективизированной казачьей станицы Юга России необходимо в полной мере учитывать при освещении структур и сфер повседневности казачества на протяжении рассматриваемого десятилетия. Речь идет, прежде всего, о таких областях, как материальное обеспечение (пища, одежда, обувь, предметы быта), внешний облик и социальная инфраструктура казачьих станиц, культурные традиции (и новации) казачества.

В обозначенный период можно выделить различные аспекты изменений казачьей повседневности. Причем мы не склонны акцентировать внимание исключительно на положительных изменениях, произошедших в жизни донских, кубанских и терских казаков в период «колхозного строительства». Осмысление проблемы культурно-бытового обустройства казачьих станиц Юга России в 1930-х гг. – это вполне самостоятельный исторический сюжет. Характерной тенденцией стал большой вклад в развитие систем сельского образования, просвещения, здравоохранения, бытового и культурного обслуживания, который внесло не столько государство, сколько колхозы которые часто на собственные средства строили и ремонтировали школы, библиотеки, избы-читальни, клубы, дома культуры, амбулатории и пр. **Именно в коллективизированной деревне Юга России удалось создать развитую систему социальной помощи и здравоохранения**, как отмечает Т.А. Самсоненко [22]. В результате совокупных усилий государства и колхозов казачьи станицы Юга России во второй половине 1930-х гг. заметно преобразились, при этом в быту, одежде, говоре сохранились характерные черты казачьей традиции.

Однако нельзя умолчать о такой трагической странице в казачьих станицах, как Великий голод 1932–1933 гг. В этот период, по неполным данным, в Северо-Кавказском крае смертность втрое превышала рождаемость (416,7 тыс. умерших против 138,9 тыс. родившихся), а избыточная смертность в крае составила 350 тыс. человек [23, с. 3; 24, с. 58]. Повышенный уровень смертности из-за голода отмечался именно в сельской местности, поскольку единоличники и колхозники отдавали государству последний хлеб и при этом не могли надеяться на нормированное снабжение по карточкам, как горожане. На Юге России особенно пострадали кубанские **«чернодосочные станицы»**. В те суровые годы на партийно-большевистском языке вместо слова «голод» использовался эвфемизм «продовольственные затруднения».

Быт и культура южнороссийского казачества исторически были ориентированы на укрепление национального самосознания и поддержание православной системы ценностей. В силу постоянной вовлеченности в военную службу казаки остро ощущали свою роль в защите не абстрактных государственных позиций, а вполне определенных родных ценностей, суверенитета культурно-этнических традиций. Религиозная практика оставалась значимой частью повседневной жизни: казаки не стыдились ходить в храмы, учить православию своих детей. Поэтому они действительно знали,

что именно они защищают даже вдали от родной земли. Для них было важно в условиях постоянного военного служения Отечеству не потерять то, что изначально заложено в казачьей духовной и культурной традиции, не поддаться на иные соблазны. Казаки готовились отдать свою жизнь во славу Отечества и большинство из них носили на груди ладанку с щепоткой родной земли, крест или иконку (складень), веря, что это хранит их. Эти ценности казачества советская власть в рамках политики секуляризации стремилась изменить, ослабить, сломать духовную опору, что стало одной из причин массового неприятия новой власти среди казаков, а значительная часть казачества выступила на стороне Белого движения.

Экономико-хозяйственная составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве в период конца 1920-х – 1930-х гг. связана с одновременным существованием целого ряда социально-экономических укладов в колхозной деревне, отражающих социальную многомерность казачьего сообщества. При этом **для южнороссийского казачества важно было сохранить именно иные уклады, кроме колхозного.** Отчасти оно лелеяло надежды на какой-то вероятностный откат к прошлой жизни, отчасти таким образом поддерживало относительное материальное благополучие, отчасти это давало возможность некоторой хозяйственной самостоятельности в условиях господства колхозной системы. В романе «Поднятая целина» М.А. Шолохов талантливо описал такой тип настоящего хозяина, «сеятеля и хранителя» в образе Якова Лукича Островнова: *«...вернулся я в двадцатом году из отступа. У Черного моря осталось две пары коней и все добро. Вернулся к голому куреню. С этих пор работал день и ночь. Продразверсткой в первый раз обидели товарищи: забрали все зерно под гребло. А потом этим обидам и счет я потерял. Хоть счет-то им и можно произвести: обидют и квиток выпишут, чтоб не был... Вот они тут, квитки об том, что сдавал в двадцать первом году: а сдавал и хлеб, и мясу, и маслу, и кожи, и шерсть, и птицу, и целыми быками водил в заготконтору. А вот это окладные листы по единому сельскому налогу, по самооблогу и опять же квитки за страховку... И за дым из трубы платил, и за то, что скотина живая на базу стоит... Скоро этих бумажек мешок набираю... Словом..., жил я – сам возле земли кормился и других возле себя кормил. Хоть и не раз шкуру с меня сымали, а я опять же ею обрастал... Стал я к агрономам прислухаться, начал за землей ходить, как за хворой бабой. Кукуруза у меня первая в хуторе, урожай лучше всех. Я и зерно протравливал, и снегозадержание делал. Сеял яровые только по зяби без весновспашки, пары у меня всегда первые. Словом, стал культурный хозяин и об этом имею похвальный лист от окружного ЗУ, от земельного, словом, управления»* [11, с. 17]. И таких, как Яков Островнов, в казачьей среде «культурников» было немало.

В условиях колхозной системы существовало, помимо нее самой, два довольно мощных социально-экономических уклада. Это личные подсобные хозяйства казаков-колхозников и единоличные хозяйства казаков, которые, в свою очередь, имели внутреннюю экономическую дифференциацию. Здесь мы поддерживаем теоретико-методологическую позицию В.А. Бондарева. Личные подсобные хозяйства казаков-колхозников подразделялись на два экономико-хозяйственных варианта: хозяйства натурально-потребительного типа и хозяйства мелкотоварного типа. Среди единоличных хозяйств казаков-колхозников выделялись: хозяйства потребительского типа, хозяйства наемно-батрацкого типа, мелкотоварные (предпринимательно-производящего, «универсального» типа

и садово-огороднического типа), хозяйства примитивно-коммерческого типа [7, с. 314–315, с. 397–399]. Отталкиваясь от позиции нашего коллеги и ученика (специально не рассматривая поэтому некоторые экономико-хозяйственные проблемы) и подчеркивая социальную многомерность казачьего сообщества, мы выстраиваем исследовательский алгоритм раскрытия данного и иных тематически близких сюжетов, приращивая историческое знание в обозначенном направлении.

Надо ли говорить, что в 1930-е гг. развернулась настоящая **борьба за сохранение единоличного хозяйства** как одного из оплотов прежней жизни казачества. Власть называла это борьбой с кулачеством, хотя большинство объявляемых ею кулаками таковыми по своей сути не являлись. Часть бедняцких и середняцких хозяйств казаков, как только определились с поземельными отношениями, стали в 1920-е гг. подниматься. Да так, что коллективизация им была не нужна, поскольку они не только могли прокормить себя сами, но и оказались готовы поставлять хлеб на рынок. И даже в 1930-е гг. часть личных подсобных хозяйств казаков-колхозников вполне благополучно могла существовать без колхозов, если бы жестко и часто не применялось внеэкономическое принуждение. Например, нормы мясопоставок на 1934 г. устанавливались Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) по Обливскому району выше в 3 раза, а для тех, кого признавали в районе кулаком, нормы повышали почти в 6 раз, по сравнению с колхозным двором, так как кулак имел свою ферму по выращиванию скота [25, л. 29].

Вовсе не случайно в «Поднятой целине» бывший «красный партизан» Тит Бородин характеризуется его соратниками Нагульновым и Разметновым, хотя и с ноткой сострадания, но в целом негативно: *«Будучи бедняцкого рода, сражался стойко... [Но] зубами, как кобель в падлу, вцепился в хозяйство, возвратившись домой... И начал богатеть, несмотря на наши предупреждения. Работал день и ночь, оброс весь дикой шерстью, в одних холстинных штанах зиму и лето исхаживал. Нажил три пары быков и грызть от тяжелого подъема разных тяжестей, и все ему было мало!»* [11, с. 28]. Внимательный М.А. Шолохов талантливо описывает в своих произведениях окружающую его действительность, и позиция представителей местной администрации хутора Гремячий Лог по отношению к Титу Бородину ничуть им не выдумана. Трагедия страны и, в частности, трагедия многих красных партизан, подобных Бородину, заключалась именно в том, что большевики, стремясь к достижению социальной справедливости, избрали изначально прямой (но отчасти тупиковый) путь – стали сгонять всех казаков в колхозы и уравнивать. Выигрывали при этом исключительно те, кто ничего не имел. Насильственный земельный и имущественный передел правящая партия назвала коллективизацией и классовой борьбой в деревне, и именно эти понятия надолго закрепились в отечественной историографии, сохранившись до наших дней. Поскольку казачество по социальной природе оказалось более зажиточным, классовая борьба развертывалась здесь с особой силой. В результате беднота получила новые возможности и привилегии, а настоящий трудовой элемент казачьих станиц оказался в социальном болоте, целенаправленно созданном для казаков новой советской властью.

Трагедия южнороссийского казачества во многом была обусловлена тем, что меры по коллективизации реализовывались форсированными темпами и охватывали сельскую местность без учета локальных особенностей, в том числе специфики казачьих районов. Кампания «за советское казачество» стала одним из инструментов корректировки курса: она способствовала смягчению наиболее острых

перегибов в проведении коллективизации, а также политики социальной «уравниловки». В этот период были предприняты меры, направленные на интеграцию казачества в советскую систему, что отражало заинтересованность власти в сохранении казачества.

Политико-управленческая составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве позволяет интерпретировать для настоящего исследования ряд вопросов властеотношений, характерных для казачьих регионов Юга России. Это и наличие представителей казачества в органах власти в 1930-е гг., и сохранение некоторых элементов традиционного казачьего самоуправления (казачьей общинности). При этом социально-политическую ситуацию 1930-х гг. невозможно понять, не принимая во внимание общественно-политическое развитие казачьих регионов Юга России в 1920-е гг. Для южнороссийского казачества **эти процессы распадаются на отдельные пятилетия**. Если в первой половине 1920-х гг. шло мягкое вытеснение казачества из органов власти в ходе советизации, велась политика умиротворения казачьего населения, то во второй половине 1920-х гг. общепартийная политика «лицом к деревне» на Северном Кавказе приобретала социально-политическое звучание «лицом к казачеству». Дело дошло даже до того, что казаки в ряде станиц стали вновь притеснять иногородних в поземельных отношениях, почувствовав некоторый откат в аграрной политике властей. Как докладывал 17 мая 1928 г. инспектор кавалерии РККА, член Реввоенсовета СССР С.М. Буденный народному комиссару РККА по военным и морским делам и председателю Реввоенсовета СССР К.Е. Ворошилову, *«в 1926 году казаки Кочетовской станицы поехали на юртовую землю, требовать от “хохлов” (иногородних) аренду за землю, требуя срочной выплаты, начиная с 1919 года, но “хохлы”, вместо денег, избили казаков вилами. Наряду с этим возникли и другие затруднения для работников на местах. Как только на вывесках Советов появились слова и “казачьих депутатов”, так возник вопрос, как же называть общественный сход. Если последний состоит из казаков и иногородних, а если собравшихся при открытии собрания назвать казаками, то обидятся иногородние, а если назвать иногородними, то обидятся казаки, главное казаки не желают, чтобы их называли гражданами и товарищами»* [26, л. 23]. В целом социально-экономическое положение казачьих хозяйств значительно улучшилось. Казаки во второй половине 1920-х гг. вновь вернулись к традиционной военной службе в кавалерийских частях, хотя воинские формирования, где они тогда служили, казачьими пока еще не назывались.

Рубежным моментом становится выход постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) **«О работе среди казачьего населения Северного Кавказа»**, которое было **принято в апреле 1930 г.** и опубликовано в номере газеты «Молот» от 27 апреля 1930 г. [27]. Заметим, разработка казачьей проколхозной политики в округах Северо-Кавказского края велась задолго до появления этого документа. Власть сделала попытку привлечь казачество к колхозному строительству: выдвигать казаков в правления колхозов, пропагандировать смычку бедняцких и середняцких слоев казачества. Проводилась вполне определенная политика социального раскола, использования одних казаков на своей большевистской стороне против других казаков, так же как и в годы Гражданской войны. Однако моментально создать советское трудовое казачество, отделив от него антисоветские элементы, так и не получилось, и власть вновь применила репрессии, под которые казачество

попало вместе со всем крестьянством, а не как-то обособленно, на чем настаивают приверженцы квазитеории о «геноциде казачества».

Уже **во второй половине 1935 г.** в условиях надвигающейся Второй мировой войны **большевистская партия и советская власть спонтанно готовят и разворачивают широкомасштабную социально-политическую кампанию «за советское казачество».** В ней уже нет каких-либо новых попыток как-то расколоть казачество, привлечь на свою сторону лишь какую-то одну его часть. Для данной политической кампании все казачество теперь исключительно советское, колхозное, «наше» казачество, а другого и быть не может (хотя, заметим, в реальной жизни среди казачества никогда не было 100 % числа сторонников советской власти). Кампания предопределила отношение власти к казачеству во второй половине 1930-х гг. Обратим внимание, речь идет об одних и тех же людях, ведь за такой короткий срок полной смены поколений не произошло. Но изменилась социально-политическая ситуация.

Таким образом, **во властных отношениях казачества с советской властью можно выделить три модели:** воспроизводственную, конъюнктурную и новационную. В 1920-е гг. казачество восстанавливало свой экономический потенциал, что было выгодно в определенной мере и власти, поэтому стороны пришли к относительному примирению. Однако в конце 1920-х гг. политическая конъюнктура меняется и власть жестко расставляет социально-классовые приоритеты. Впрочем, геостратегический потенциал казачества оказался важнее иной целесообразности, внутриполитической необходимости, даже социально-классовой обоснованности, а потому в 1935 г. разворачивается кампания «за советское казачество», так как для власти целостность южнороссийского казачества выступала залогом реализации ее государственных интересов.

Антропологический подход к изучению южнороссийского казачества сосредотачивает внимание на личности казака, знаковых чертах характера, его внутренних переживаниях в сложный исторический период 1930-х гг. Отражение конкретных судеб казаков хотя и является довольно сложной исследовательской задачей, но в нашем исследовании представлена историческая реконструкция личностных сюжетов социальной реальности.

В казачьих станицах Юга России в 1930-е гг. сосуществовали разнородные социальные группы: представители местной номенклатуры, неказачье население (обычные крестьяне) и сами казаки. При многочисленных разговорах о политике рассказывания в станицах сохранялись носители казачьих традиций – люди, не забывавшие свои казачьи корни даже в сложных социально-политических обстоятельствах, когда приходилось мимикрировать под общую подавляемую властью массу.

Авторитетные казаки были всегда и есть сейчас. Мы столкнулись со случаями, когда казаки помнили, кто у них был атаманом, через десятилетия после ликвидации атаманской власти. Так, местные жители хутора Старая Станица (Каменский район, Ростовской области) рассказывали, что в 1942–1943 гг. во время немецко-фашистской оккупации и после освобождения люди шли за советом к бывшему атаману, так как иной власти они пока не приняли и не видели, а бывший атаман «судил» по совести, помогал и словом и делом [28]. Социальная память хранила образы героических предков, в потаенных местах сберегались семейные казачьи реликвии, и едва «оттаивала» социально-политическая ситуация, казаки открыто начинали говорить о своей идентификации в новых реалиях.

И еще одно повествование из далекого прошлого. Конец Гражданской войны, через донскую станицу быстро отступает белоказацья сотня, а красные уж совсем на хвосте. Из куреня выбегает казачка с маленьким сыном на руках и бросается к казакам с криком: *«Куда ж, вы? Кто ж, казаки, сына на коня посадит? Казаков в станице не осталось!...»* Она буквально хватается за стремя одного казака, и вот что удивительно: он не отмахнулся. Осадил свою лошадь, посадил казачонка в седло, провел маленького всадника по маленькому кругу, подрезал отросший чуб, вручил дитя матери и помчался дальше, едва не угодив в плен [29, с. 90–93]. Вот она святость казачьей традиции...

У южнороссийского казачества в 1930-е гг. не исчезло добропорядочное отношение к таким имманентным сословно-этническим ценностям, как честь, выполнение долга, справедливость, добросовестность в отношении военной службы, казачий дух единения и братства (односумство), казачье общинное землевладение, традиционное казачье самоуправление. Это развивало самоуважение, уверенность, самостоятельную позицию в мужском коллективе, желаемую спайку социальной общности. В результате сохранялась личность казака как такового. Любопытно, что в военных билетах военнослужащих кавалерийских дивизий, несмотря на общее ухудшение взаимоотношений власти и казачьих сообществ, прямо указывалась их субэтническая принадлежность (хотя трудно судить, было ли это общим правилом). Например, в военном билете А.А. Жужнева, выданного ему Костино-Быстряным сельсоветом одного из районов Северо-Кавказского края в январе 1932 г., в графе «народность» указано – «казак» (причем в графах военного билета, где детализировалась профессиональная принадлежность военнослужащего, оказалась подчеркнута надпись «крестьянин-единоличник», а напротив нее вновь было написано «казак»). В военном билете также отмечалось, что его владелец хлебороб, беспартийный, малограмотный [30].

Этнологическая составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве позволяет нам высказать ряд существенных суждений об этническом состоянии казачества, опосредованном социальными процессами. Можно предположительно выделить в качестве исследовательской гипотезы наличие в XX в. **трех казачьих исторических этносоциотипов**: 1) классическое казачество (до конца 1920-х гг.); 2) советское казачество (до начала 1990-х гг.); 3) неказачество.

Именно в 1930-е гг. сложилось советское казачество, которое признало советскую власть и/или смирилось с нею, а потому и было готово служить новому государству в разных ипостасях, в том числе в кавалерийских соединениях, осознавая свою субэтническую целостность.

Советское казачество сложилось из нескольких микрогрупп. Во-первых, казачья молодежь, не прошедшая Гражданскую войну, выросшая при новом политическом режиме, получившая от власти поддержку и не потерявшая связи с традиционной казачьей культурой. **Во-вторых**, беднейшие слои казачества и середняки, поддержавшие советскую власть, в том числе путем активного участия в кавалерийских соединениях РККА, и принявшие новый образ жизни, но не оторвавшиеся от казачьего субэтнического ядра, несмотря на известные подвижки в менталитете. **В-третьих**, местное, коренное крестьянство, для которого процессы показачивания всегда выступали сложным и весьма противоречивым явлением, но все же некоторая часть этого крестьянства непременно оказывалась готова вступить в казачье сообщество. **В-четвертых**, отдельно следует отметить социальную группу красных

партизан, устанавливавших советскую власть и знавших ее несколько иную социальную природу, нежели та модель властных отношений, что навязывали большевики в 1930-е гг.

Так, социальный опыт периода революций и Гражданской войны времен 1920-х гг. оказывал глубинное влияние на этнокультурные процессы, на формирование советского казачества. Особенно следует выделить периоды второй половины 1920-х и второй половины 1930-х гг., когда произошел явный откат советской политики в сторону казачества. Для историков очевидно, что говорить о казачестве как о некоем монолите, жестко сплоченной группе вовсе не приходится. Уместнее будет использовать сложное и непривычное понятие **«ЭТНОСОЦИОТИП»**, в котором социальная составляющая велика, когда к казачьему происхождению добавлялось мощнейшее воздействие новой социальной среды, формировавшейся в 1930-е гг.

Вот почему этнологические аспекты регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве непременно должны быть существенно дополнены важными ментально-мировоззренческими сюжетами.

Ментально-мировоззренческая составляющая регионоведческого исторического знания о южнороссийском казачестве дает возможность реконструировать исторические матрицы казачьей ментальности, присущие периоду 1930-х гг. Речь идет о социально-групповых характеристиках южнороссийского казачества, тех знаковых подвижках общественного сознания, которые предопределяли развитие исследуемого многомерного исторического явления в 1930-х гг. Тем самым увеличивается число мыслительных конструктов, открывающих дополнительные научные горизонты для интерпретации исторического процесса развития южнороссийского казачества, например такой острой научной проблемы, как расказачивание. Впрочем, сразу оговоримся в 1930-е гг. радикальных изменений в казачьем менталитете не произошло.

В предлагаемой **структуре казачьего менталитета нами выделяются** пять слоев:

1) партикулярная культура (элементы частной жизни казачества, которые формируют ментальные мыслеобразы, например обычай белого платка, то есть прощения женского греха при длительном отсутствии казака в военном походе и др.);

2) духовная самость («экологическая оболочка», опосредованная казачьим мироощущением, скажем, внутренней готовностью казака постоять «за други своя»; одновременно религиозно-философская мифология, связанная с многоконфессиональностью казачества при преобладающем распространении православия, когда можно говорить о воинском типе религиозности [31, с. 17–39]);

3) социальный отклик (реакция казаков на функциональные социальные образования – политику, власть, государство, например «вооруженный нейтралитет» большинства казачества Дона в начале Гражданской войны; ожидание частью казаков иностранной военной интервенции в 1930-е гг.);

4) метасоциальный сполох (идея «третьего пути» для Дона А.М. Каледина; предложения о воссоздании казачьих советских республик в 1930-е гг.);

5) функциональная связь (состояние социальных каналов коммуникации, выраженных, например, в традиции односумства).

Кроме того, нами выделяется пять базовых архетипов казачьей ментальности для периода 1930-х гг. в истории южнороссийского казачества: 1) *патриархальный*

(семейно-бытовой, ритуальный); 2) *вероисповедальный* (духовно-нравственный, биосоциокультурный), 3) *радикальный* (политико-властный, про- и/или антироссийский); 4) *общегрупповой* (социально-консолидирующий, субэтнический), 5) *отношенческий* (межличностный, коммуникативный).

Все эти теоретические построения о ментально-мировоззренческих аспектах этнической культуры южнороссийского казачества хорошо дополняются фактурой, конкретно-историческими материалами рассматриваемого периода.

Тридцатые годы зажгли в традиционной ментальности казачества **новые «социальные звезды»**. Правда, порой сами казаки не очень понимали, о чем собственно идет речь. В этой связи примечателен сюжет, талантливо описанный М.А. Шолоховым в романе «Поднятая целина». Когда во время весеннего сева Кондрат Майданников по нормам выработки обошел всех пахарей из его бригады, Семен Давыдов, поблагодарив казаков-колхозников за хорошую работу, сказал: *«Отдельное спасибо Майданникову, так как он – самый фактический ударник!»*. Вечером, когда довольный похвалой «Кондрат уже придремал», к нему под зипун забралась жена и робко спросила, кто же такой «ударник». *«Кондрат много раз слышал это слово, но объяснить его не мог. «Надо бы у Давыдова разузнать!» – с легкой досадой подумал он. Но не растолковать жене, уронить в ее глазах свое достоинство он не мог, а потому и объяснил, как сумел: – Ударник-то? Эх, ты, дура-баба! Ударник-то? Кем... Это... Ну, как бы тебе понятней объяснить? Вот, к примеру, у винтовки есть боек, каким пистонку разбивают – его тоже самое зовут ударником. В винтовке эта штука – заглавная, без нее не стрельнешь... Так и в колхозе: ударник есть самая заглавная фигура, поняла? Ну, а зараз спи и не лезь ко мне!»* [11, с. 266].

На ряд таких «социальных звезд» мы обращаем внимание в тексте настоящей статьи, стремясь реализовать профессиональное призвание историка раскрывать исторические сюжеты в лицах.

Так, знаменитая в 1930-х гг. трактористка Канеловской МТС (Кубань) П.И. Ковардак в прессе того времени однозначно именуется кубанской казачкой. Она рассказывала на совещании передовиков по поднятию урожайности, проходившем в Москве в декабре 1935 г., о своей деятельности и производственных рекордах, и одновременно поведала собравшимся, что, помимо нее, в МТС трудятся еще семь девушек, и все они – исключительно казачки. Однако фотографам периодических изданий сама Паша Ковардак предпочитала позировать не в традиционной одежде казачки-колхозницы, а исключительно в городских нарядах, что вполне естественно для молодой девушки (она родилась в 1913 г., так что даже к исходу 1930-х гг. ей исполнилось всего лишь 27 лет). Например, во время выборов в Верховный Совет СССР в 1937 г., куда П.И. Ковардак выдвинули кандидатом, ее сфотографировали в типичном городском платье, с завитыми и уложенными по моде того времени волосами.

В изучении жизнедеятельности южнороссийского казачества нами вводится **понятие «транспериферийности»** – автономного административно-территориального образования, имеющего культурно-исторические, экономические, социально-политические особенности и устойчивые традиции относительно самостоятельного развития. В этой плоскости исследовательского интерпретационного локуса Дон, Кубань, Терек представляются синкретическими образованиями, где казачество в 1930-е гг. еще играло относительно доминирующую социальную роль, в силу определенного сохранения социально-консолидирующих начал.

С понятиями Дон, Кубань, Терек, как правило, и ассоциируются не только мыслеобразы конкретных регионов, но и три группы казачества. С этими же понятиями связываются вопросы межкультурных контактов, причем не только с горцами, но и другими социальными группами. По отношению к периоду 1930-х гг. нами рассматриваются проблемы усвоения инокультурного социального опыта внутри обозначенных транспериферийных регионов (например, красноармейцы-переселенцы на Кубани). Наличие казачества на Дону, Кубани, Тереке соответственно оказывает существенное влияние на определение приоритетов в процессе общественных преобразований. В 1930-е гг. большевики стремились нивелировать устойчивые региональные особенности казачьих территорий, но им это не удалось именно в силу транспериферийного характера Дона, Кубани и Терека.

Южнороссийское казачество представлено как многомерное историческое явление **тремя родственными и историческими взаимодействующими группами казачества**: донским, кубанским и терским. При этом в нашем исследовании не рассматривается проблема исторической номинации, поскольку изучаемые нами 1930-е гг. напрямую не связаны с вопросами происхождения и значения, роли данных групп казачества в региональной и общероссийской истории, и, соответственно, в этом контексте не требуется проводить критериальные разработки. Наоборот, в изучаемый автором исторический период три группы казачества выступали как общее социальное образование, переживавшее трудные времена, хотя и сумевшее подняться на новую историческую вершину. В нашей работе основное внимание сосредоточено на существовавших региональных отличиях развития донского, кубанского и терского казачества в 1930-е гг., насколько это позволял нам это сделать по ходу исторического повествования обобщаемый конкретно-исторический материал, что еще раз подчеркивает многомерность изучаемого исторического явления.

Южнороссийское казачество невозможно понять вне связи с природным ландшафтом, с родной землей. Эти обстоятельства в свое время предопределяли основные хозяйственные занятия казаков. Для 1930-х гг. они важны как существенные источники для реализации витальных потребностей традиционного южнорусского населения. Среда непосредственного обитания для южнороссийского казачества в 1930-е гг. по-прежнему осталась предметом для воспевания в народном фольклоре. Ею предопределялся и костюм. Земля и возможности землепользования и в 1930-е гг., несмотря на складывание колхозной системы, были для казаков весьма острым сюжетом повседневности, который влиял на их общественные настроения, отношение к новой жизни и советской власти. Переплетение интересов и потребностей, степень занятости в общественном производстве и на личном подворье, на приусадебном участке, в личном подсобном хозяйстве, иные материально-хозяйственные возможности при их раскрытии еще раз подчеркивают социальную многомерность южнороссийского казачества. Здесь свою роль играет секторальная принадлежность казачьего хозяйства к определенной отрасли сельского хозяйства (полеводство, животноводство и т.д.), природно-климатические условия для развития казачьего хозяйства (общественного и индивидуального), исходный экономический потенциал перед осуществлением коллективизации и степень его сохранения после обобществления.

История взаимодействия южнороссийского казачества с российским государством связана с попытками радикально изменить социальную сущность казаче-

ства. **В исторической науке и в социальной практике такая политика известна как рассказывание.** Причем эта политика не является политическим изобретением большевиков, относящимся исключительно к январю 1919 г. Здесь надо следовать принципу историзма. Политику рассказывания начали проводить российские правители, как минимум начиная с царя Бориса Годунова. Другое дело, что в данной политике были свои пики и последующие откаты. Для обозначения этого явления мы применяем термин «политический акционизм», объясняющий как преобладающую модель поведения самого казачества, так и действия российских властей по отношению к казачеству на определенном историческом отрезке. При этом конкретные действия мы называем **«антиказачьи акции»**, называя так, например, не целенаправленную и одобряемую сверху политику рассказывания в 1930-е гг., а недружественные исторические акты в отношении казачества. Начиная с 1919 г. большевики неоднократно разворачивали политику рассказывания в довольно жестких формах. Однако нельзя представлять весь советский период истории казачества как сплошную политику рассказывания. Были периоды в советский период истории казачества, когда от такой политической практики резко отказывались. Именно так произошло в 1930-е гг., когда развернулась масштабная кампания «за советское казачество», когда военно-политическая целесообразность перевесила исключительно социально-классовые подходы.

С другой стороны, изменение социальной сущности казачества в истории взаимодействия южнороссийского казачества с российским государством связано и с обратным вектором, с **политикой показывания, одним из теоретиков и пропагандистов** которой на Северном Кавказе выступал самый известный «красный казак» **С.М. Буденный**, хотя он по происхождению казаком и не был, но был одержим идеей о создании областей «красного казачества» и в 1928 г. предлагал: *«В законодательном порядке немедленно назвать все бывшие казачьи области, в том числе и Ставропольскую губернию, областями КРАСНОГО КАЗАЧЕСТВА, с правом всем без исключения в этих областях живущим гражданам, кроме, конечно, горских национальностей, именоваться Красными казаками»* [26, л. 21]. В этом взгляды С.М. Буденного не были оригинальны. В отдельных исторических ситуациях, когда исторический маятник настолько сильно качнулся в сторону военно-политической целесообразности использования казачества в интересах российского государства, само государство проявляло социокультурную инициативу пополнения казачьих рядов за счет иных групп населения («служилое казачество»). Российское государство не только было готово, но и настойчиво проводило «проказачьи акции», вовлекая в историческую орбиту развития казачества прежде всего российское крестьянство.

Тенденции показывания части южнороссийского населения отчетливо прослеживаются и в 1930-е гг. Так, на 18 июня 1936 г. в Ростове-на-Дону намечались краевые конноспортивные состязания, и уже в мае к городу стали подтягиваться отряды участников-казаков из разных районов Азово-Черноморского края. Во второй половине мая отряд северо-донских казаков прибыл в Новочеркасск, и среди них оказались вчерашние «иностранцы», некоторые – даже из числа немецких колонистов. Как сообщали журналисты, *«в полной казачьей форме прибыли [в Новочеркасск] Петер Богер и Фридрих Колф, колхозники немецких артелей “Сталинфельд” (Волошинский район) и “Ленинфельд” (Мальчевский район)»* [32].

Южнороссийское **казачество как многомерное историческое явление** всегда представляло собой социально-политическую силу. Наряду с этим, российское

государство долгое время целенаправленно использовало южнороссийское казачество как стратегический военный ресурс. Однако в XX в. казачество возвращает себе именно статус самостоятельной социально-политической силы, что и привело его к противостоянию с российским государством. Поэтому отслеживание общественных настроений в казачьей среде всегда было заботой российского государства. В большевистской политике и в советской истории нередко подчеркивалась реакционность казачества, казачьих верхов и т.п. Однако многомерность в интерпретации южнороссийского казачества как исторического явления состоит именно в том, что в казачьей среде прослеживались совершенно разные общественные настроения, которые вели казачество то к бунту, то к покорному сотрудничеству с властью.

В 1930-е гг., несмотря на, казалось бы, тотальное уравнивание всех жителей южнороссийской деревни и то, что большинство из них стали колхозниками или относились к колхозному крестьянству, **у южнороссийского казачества оставались свои собственные субэтнические экспектации**, главнейшей из них всегда было стремление жить и работать во имя благоденствия Отечества. Экспектации имели характер устойчивых ориентаций членов казачьих сообществ, которые оформлялись в особую группу интересов и артикулировались даже после жестких антиказачьих акций в 1930-е гг. В основе этой группы интересов лежала ролевая и нормативная регуляция социального взаимодействия казаков (в области исполнения обязанностей военной службы, повседневной военной подготовки, сохранения традиционной культуры и др.). Для них это был способ осознания и выражения своих внутренних ожиданий (например, прекращения политических преследований), сформировавшихся потребностей (скажем, службы преимущественно в кавалерии), ассоциированных целей (признания казачества как особой социальной и этнической группы), намеренно моделируемых на основе сложного комплекса групповых представлений о прошлом, настоящем и будущем, для реализации которых казаки хотели, в частности, существования казачьих частей, советских казачьих дивизий, казачьей автономии в рамках советско-республиканской традиции, сохранения присущего хозяйственному укладу, развития традиционной культуры. На протяжении 1920-х гг. казаки неоднократно уверяли правительственные органы, что казачество желает *«принести свою службу Рабоче-крестьянскому правительству на том лихом коне и [в] лихой для него форме»*. Они просили, чтобы *«воинский дух и врожденные склонности казаков к наездничеству были использованы Сов[етской] властью при призыве казачьего населения в воинские части»* [33, л. 275 об.; 34, л. 98].

Таким образом, в основе **особой группы интересов** лежит казачья традиция, поддержание которой обеспечивает самоорганизацию казачьей общности, что, в свою очередь, гарантирует порядок в общественной жизни, который создается в результате строгого и неуклонного соблюдения всем населением неписанных норм казачьей жизни. Иначе говоря, только так сохраняется уклад казачества как система жизнедеятельности казачьей корпорации. Он подразумевает, во-первых, сами выработанные веками казачьи традиции. Во-вторых, именно их соблюдение гарантирует оптимальное функционирование казачьей общности. В-третьих, несоблюдение казачьих традиций как отклонение от принятых норм и/или почтительное к ним отношение сопровождается системой наказаний и поощрений. В-четвертых,

соблюдение традиций обеспечивало процессы социальной регенерации казачества. В свою очередь, наличие особой группы интересов выступает одной из важнейших характеристик многомерности южнороссийского казачества.

Южнороссийское казачество потерпело в своей истории немало тяжелых исторических поражений, которые буквально разрушали его практически до основания: гибли многие казачьи станицы, утрачивалась традиционно заселенная территория, значительно сокращалось казачье население. Но через некоторое время казачьи бунчуки вновь поднимались ввысь, символизируя возрождение казачества. Это свидетельствует об **исторической устойчивости архетипов социальной памяти казачества**, что позволяет осуществлять историческую трансляцию казачьих образов и моделей поведения не только от поколения к поколению, но и через минимум одно поколение. Тридцатые годы прошлого века, мощная кампания «за советское казачество», несмотря на сложность общественно-политических процессов, оставили социальные мосты именно для такой связи.

В целом представляется возможным заключить, что особенности тактического курса большевиков в отношении казачества в 1930-х гг. непосредственно повлияли на состояние источниковой базы и историографии проблемы жизнедеятельности донского, кубанского, терского казачьих сообществ в условиях «колхозного строительства». В документах и литературе первой половины 1930-х гг. о казаках содержится минимум упоминаний, и ситуация меняется на прямо противоположную лишь во второй половине указанного десятилетия. Данное обстоятельство затрудняет анализ вопросов казачьей истории 1930-х гг. Не способствовало адекватному освещению жизни и деятельности казачества господство в исторической науке советского периода идеологических догм и марксистского подхода. В этой связи ощущается необходимость проводить анализ указанной проблемы с позиций новых теоретико-методологических подходов, одним из которых является авторская частно-историческая теория о многомерности казачества Юга России 1930-х гг., которую мы и представили в настоящей статье.

Профессиональным историкам-казаковедам давно известно, что, по данным переписи 1926 г., в пределах Северо-Кавказского края проживало 2301,9 тыс. казаков (27,5 % всего населения, в том числе 32 % сельского и 10,5 % городского). Выделение категории «казак» в 1926 г. инициировали местные статистические органы Северо-Кавказского края. Они делали это с практической целью – для дальнейшего районирования региона с учетом казачьего фактора. Однако определить точное количество казаков можно лишь оценочно, так как перепись 1926 г. не показала полной численности казаков на тот момент. Это произошло из-за того, что к этому времени исторические казачьи регионы были искусственно разделены, и не во всех из них осуществлялся учет казаков.

С другой стороны, теоретическое осмысление исторического развития такой многочисленной группы населения в 1930-е гг. важно для понимания влияния советского периода на историю казачества, без чего невозможно обстоятельно вести разговор о казачестве в наши дни. Не менее актуальны для научного исторического описания **социальные практики** кампании «за советское казачество», о которых речь пойдет далее.

II. Социальные практики кампании «за советское казачество»

В целом кампания «за советское казачество» имела пять направлений:

- 1) пропаганда позитивного образа советского колхозного казачества;
- 2) использование трудового потенциала казаков в хозяйственном строительстве;
- 3) реорганизация частей РККА в казачьи кавалерийские соединения;
- 4) усиление военно-патриотического воспитания казачьей молодежи и поддержка движения «ворошиловских кавалеристов»;
- 5) сохранение и развитие культурных традиций казачества.

К сожалению, многие историки и публицисты сегодня пишут и говорят об этой кампании только в плане создания казачьих частей, однако в этот период произошел разворот советской власти к проблемам казачества. В этот период «звание казака» перестало быть званием, «которого чураются, его с гордостью носят казаки-колхозники. И не может быть сомнения в том, что советское казачество, вставшее на путь колхозов и показывающее образцы колхозного труда, покажет образцы героизма и отваги на полях сражений, в рядах рабоче-крестьянской Красной армии, если враги нападут на нашу родину. В разгромах вражеских армий острой казачьей шашке да меткой казачьей пуле найдется работа». Казачьи регионы Юга России начали соревноваться, где казаки лучше работают, «боролись за лучшее выполнение и перевыполнение государственных производственных программ, за решительное “улучшение дела коневодства”» [35].

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком 23 марта 1936 г. приняли постановление «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани», согласно которому в крае на 6 мая 1936 г. намечалось проведение торжеств, не менее пышных, чем те, что состоялись неделю назад в Ростове-на-Дону. И они прошли успешно. При этом Северо-Кавказское краевое руководство не забывало не только о пропагандистской, но и о практической стороне праздника: «Подготовку к этому празднику провести под знаком широкого развития стахановского движения в сельском хозяйстве и промышленности края, широкого развития социалистического соревнования между промышленными предприятиями, совхозами, МТС и колхозами края за лучшее выполнение и перевыполнение производственных программ, учитывая, что на праздник будут приглашены лишь лучшие представители победивших в соревновании предприятий, совхозов, МТС и колхозов». Кроме того, в постановлении содержались и вполне ожидаемые строки: «особое внимание во всей организации подготовки к празднику должно быть уделено решительному улучшению всего дела коневодства в крае» [35].

23 апреля 1936 г. приказом Наркомом обороны К.Е. Ворошилова в Красной армии воссоздаются казачьи части и статус «казачьих» присваивается нескольким территориальным дивизиям. 10-я территориальная кавалерийская Ставропольская дивизия отныне называлась «10-й Терско-Ставропольской территориальной казачьей дивизией». 12-я территориальная кавалерийская дивизия, расположенная на Кубани, стала именоваться «12-й Кубанской территориальной казачьей дивизией». На Дону появилась еще одна территориальная дивизия – 13-я Донская казачья. Командиром 13-й Донской казачьей территориальной дивизии стал комбриг

Дмитрий Иванович Рябышев, донской казак хутора Колотовка Цимлянской станицы. Дивизии объединялись в 4-м казачьем кавалерийском корпусе.

Любимые кавалерийские дивизии И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова и С.М. Буденного, входившие ранее в 1-ю Конную армию, объявили «казачьими». 4-я кавалерийская Ленинградская Краснознаменная дивизия имени К.Е. Ворошилова теперь называлась 4-я Донская казачья ордена Ленина Краснознаменная ордена Красной Звезды дивизия имени товарища Ворошилова. В момент переименования ею командовал комбриг Г.К. Жуков (с 26 марта 1933 г. по 22 июля 1937 г.). А 6-ю кавалерийскую Чонгарскую Краснознаменную дивизию имени С.М. Буденного переименовали в 6-ю казачью кавалерийскую Кубанско-Терскую Чонгарскую ордена Ленина трижды Краснознаменную ордена Красной Звезды дивизию имени С.М. Буденного. Она вошла вместе с 36-й кавалерийской ордена Ленина Краснознаменной ордена Красной Звезды дивизией имени товарища Сталина в состав 6-го казачьего кавалерийского корпуса имени И.В. Сталина, который дислоцировался в Белорусском военном округе, а в первой половине 1938 г. корпусом командовал опять же будущий маршал Победы, комдив Г.К. Жуков, ставший комкором с 31 июля 1939 г. во время боев на Халхин-Голе.

Кампания «за советское казачество» способствовала развертыванию военно-патриотического воспитания казачьей молодежи. Наиболее ярко **это проявилось в движении «ворошиловских кавалеристов».** Инициаторами этого движения на Юге России стали молодые казаки из колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Северо-Донского округа Азово-Черноморского края. В конце 1935 г. они обратились с призывом «ко всем сельским комсомольцам и молодежи Советского Союза» создавать в колхозах и совхозах конноспортивные кружки и клубы «ворошиловских кавалеристов», чтобы дать вооруженным силам страны заранее подготовленных новобранцев. *«Коней для обороны мы готовим, а за людей еще не взяли. Сесть на коня и пустить его вскачь – это каждый может, – писали в своем обращении молодые казаки Тарасовского района. – Но мы хотим, чтобы каждый комсомолец, каждый молодой колхозник умел по-ворошиловски стрелять и по-ворошиловски, по-буденновски конем управлять, чтобы знал подход к лошади, правильную кавалерийскую седловку, посадку, умел бы на коне владеть оружием, умел бы сохранить силы коня в большом походе»* [36]. 2 июня 1936 г. утвердили отличительный значок кавалеристов Осоавиахима – «Ворошиловский всадник». В целом по стране в 1936 г. числилось уже свыше 10 000 «ворошиловских всадников» – практически готовый личный состав для двух-трех кавалерийских дивизий. В 1940 г. в Новочеркасске на ипподроме (ныне – городской микрорайон Черемушки) прошли III Всесоюзные конноспортивные соревнования Осоавиахима СССР.

Эта молодежная инициатива попала на благодатную почву, принесла ничем не примечательному колхозу «Донской скакун» всесоюзную известность и определенные экономические выгоды. Колхоз «Донской скакун» Красновского сельсовета Тарасовского района упоминается в источниках уже весной 1930 г., когда его возглавлял двадцатипятилетний Петр Корнеевич Космачевский. Судя по содержанию документов, колхоз ни в лучшую, ни в худшую сторону не выделялся среди других коллективных хозяйств. Сам Космачевский так описывал ситуацию в подчиненном ему хозяйстве: *«С [партийной] ячейкой и С[ельским]/советом увязка не особенно, председатель С/совета берет самовольно колхозных лошадей, пугает арестом, с кормом дело обстоит плохо, нет счетных работников,*

состав правления удовлетворительный, агрономов нет, общий план составлен, до двора не доведен» [37, л. 22]. Однако после предложений молодых колхозников развернуть движение «ворошиловских кавалеристов» «Донской скакун» оказался в центре внимания властей, которые попытались превратить его в образцовое хозяйство и с этой целью стали оказывать ему необходимую помощь и поддержку. Так, табун колхоза пополнили породистыми жеребцами, руководство хозяйства получило возможность отремонтировать фермы и улучшить содержание конского поголовья. В марте 1936 г. Северо-Донской окружком ВКП(б) снял с работы начальника окружного конуправления Комарова *«как несправляющегося с работой и за нетактические поступки в колхозе “Донской скакун”»* [38, л. 109]. Азово-Черноморский крайком ВКП(б), а за ним и Северо-Донской окружком ВКП(б), весной 1936 г. отменили решения Тарасовского райкома (принятые еще в июне и ноябре 1935 г.) о снятии И.И. Хромушина с поста председателя колхоза «Донской скакун» и об исключении его из партии (видимо, гонения на Хромушина начались после того, как его отца объявили кулаком; к такому выводу приводит знакомство с решением краевого и окружного руководства о восстановлении Хромушина-старшего в избирательных правах и возвращении ему конфискованного имущества) [39, л. 79 об., 80, 92]. Ростовский обком ВКП(б) на бюро 16 октября 1937 г. также уделил время проблемам «Донского скакуна», заслушав письмо колхозника-орденоносца, табунщика Василия Евсеевича Манохина «о непорядках в колхозе» [40, л. 288]. Что очень примечательно, то в 1936 г. его наградили орденом Ленина не только за выдающиеся успехи в труде, но и за активное участие в борьбе с неграмотностью.

Инициатива казачьей молодежи колхоза «Донской скакун» о создании клуба «ворошиловских кавалеристов» получила полное одобрение в специальном постановлении Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), где молодежь Дона и Кубани призывалась последовать примеру молодых колхозников Тарасовского района [41, с. 118]. Первыми на прозвучавший призыв тарасовцев откликнулись комсомольцы Константиновского района Азово-Черноморского края. Местный райком ВЛКСМ принял решение создать клубы «ворошиловских кавалеристов» в двух колхозах – «Красный путиловец» и имени Ф.Э. Дзержинского [36]. Затем подобные клубы стали создаваться в самых разных районах и коллективных хозяйствах Азово-Черноморья.

Не остался в стороне от инициативы и Северо-Кавказский край. Здесь на призыв молодежи колхоза «Донской скакун» первыми откликнулись бригадир комсомольско-молодежной бригады А. Кантемиров, организовавший первый в крае конноспортивный «кружок джигитов», и 18-летняя комсомолка, кавалер ордена Ленина (получила высокую награду как звеньевая за рекордный урожай кукурузы в 100 центнеров с гектара) Биля Шухибовна Мисостишхова (1918–1970), создавшая клуб «ворошиловских всадниц» и ставшая его председателем в селении Псыгансу Урванского района Кабардино-Балкарии. Под руководством Били Мисостишховой 60 девушек совершили уникальный конный пробег до Пятигорска и обратно (заметим, это по дороге примерно 114–115 километров в одну сторону). Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 13 февраля 1936 г. принял специальное постановление, в котором одобрял инициативу Кантемирова и Мисостишховой, давая понять молодежи Северного Кавказа, что занятия конным спортом будут только приветствоваться представителями власти [42].

Вышестоящее руководство, озабоченное повышением обороноспособности Советского Союза, ввиду неизбежной войны с капиталистическим миром, также пол-

ностью одобрило молодежное движение за овладение искусством верховой езды и приемами ведения боя в конном строю. 31 января 1936 г. в поддержку движения «ворошиловских кавалеристов» высказался такой известный (буквально легендарный) в СССР и особенно на Юге России человек, как маршал С.М. Буденный [43]. Отнюдь не случайно участников движения «ворошиловских кавалеристов» 20 февраля 1936 г. приветствовал начальник Генерального штаба РККА маршал А.И. Егоров, указывавший, что *«это движение, начатое по инициативе самих масс и возглавляемое Азово-Черноморским крайкомом партии, является могучим залогом в деле укрепления обороноспособности нашей страны»* [44].

Наиболее же сильный импульс процессам создания, развития и функционирования клубов «ворошиловских кавалеристов» дала кампания «за советское казачество». Как мы уже отмечали, первоначально участие и роль казаков в движении «ворошиловских всадников» не афишировалась. Но именно **казаки, с их военно-патриотическими традициями, являлись главной движущей силой при создании клубов «ворошиловских кавалеристов»**. Поэтому в ходе кампании «за советское казачество» движение «ворошиловских всадников», и ранее не обделенное вниманием властей, стало всячески популяризироваться среди казаков (особенно на Юге России), что самым благотворным образом сказалось на его развитии.

Подчеркнем, что процесс создания клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» представляет собой один из немногих случаев, когда интересы советской власти и казачества практически полностью совпали. Казаки-колхозники Юга России по-прежнему идентифицировали себя в первую очередь как воины, защитники Отечества. Поэтому они весьма серьезно относились к военному обучению, к разного рода военным играм и состязаниям, справедливо полагая, что здесь оттачивают свои боевые навыки, необходимые для службы в армии и для защиты страны. Такое отношение к военному делу характеризовало и казачью молодежь (не случайно представители краевого руководства Орджоникидзевского края отмечали в 1940 г., что казачья *«масса, в особенности молодежь, принимает активное участие в вопросах оборонной работы»* [45, л. 87]), и казаков старшего возраста. Эту позицию прекрасно отражают слова казака-колхозника сельхозартели имени 8 Марта Крыловского района Краснодарского края П.Д. Дубины, который в 1938 г. в письме в редакцию краевой газеты «Большевик» обязывался защищать свою Родину от фашизма и с гордостью указывал: *«Не даром я в 1936 году взял всесоюзное первенство по рубке лозы, а в этом году завоевал краевое первенство на первомайских соревнованиях ворошиловских всадников в Краснодаре»* [46].

Причем любопытно отметить, что в соответствии с присущим советской эпохе интернационализмом, казаки-колхозники иной раз ощущали себя защитниками не только своей Родины, но и «всего угнетенного человечества». Они проявляли готовность (подобно Макару Нагульнову) сражаться даже за то, чтобы построить «царство коммунизма во всем мире» [47, л. 16]. Очень показательный случай произошел на VIII Чрезвычайном съезде Советов, состоявшемся в Москве в декабре 1936 г. по поводу принятия новой Конституции. Выступавший на съезде И.Е. Хромушин, председатель колхоза «Донской скакун», не только заверил собравшихся в безусловной преданности казаков советской власти, но и неожиданно попросил правительство послать казачьи дивизии в Испанию – на помощь испанским коммунистам. Представители руководства Азово-Черноморского края с удовольствием

рассказывали по завершении съезда: *«Невозможно передать оваций, которыми встретила делегация заявление т[оварища] Хромушина с просьбой к правительству послать советские казачьи части на помощь испанскому народу в борьбе с врагами. Надо было видеть выражение [на лицах] представителей иностранных государств, находившихся в дипломатической ложе. Это выражение было не из приятных»* [48, л. 79]. Видимо, давняя слава российских казаков как непобедимых и неустрашимых всадников оказалась способна напугать европейских дипломатов и в XX веке!

Итак, с развертыванием кампании **«за советское казачество» численность клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» стала стремительно расти**, хотя нередко представителям краевого руководства приходилось прилагать максимум усилий, чтобы расшевелить районных чиновников. Районные руководители далеко не всегда демонстрировали необходимую активность при создании клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов». В частности, 7 марта 1936 г. на бюро Боковского райкома ВКП(б) отмечалась неудовлетворительная работа по организации клубов «ворошиловских всадников» и конноспортивных кружков в колхозах района. В районе организовали к этому моменту лишь 2 клуба «ворошиловских кавалеристов» с охватом 30 человек, при этом в них оказалось только 5 лошадей и вовсе отсутствовали седла [49, л. 62]. По сообщениям прессы, на родине движения казачьей молодежи за овладение искусством кавалерийских атак, – в Северо-Донском округе Азово-Черноморского края, – на 1 марта 1936 г. насчитывалось 86 кружков «ворошиловских кавалеристов» [50]. К началу апреля в Северо-Донском округе уже действовало 300 кружков «ворошиловских всадников» [51], а в целом по Азово-Черноморскому краю – до 600 [52]. Быстро росла численность данных заведений и в Северо-Кавказском крае. По имеющимся данным, к началу февраля 1936 г. в Северо-Кавказском крае удалось создать 250 конноспортивных «кружков джигитов» и 100 клубов «ворошиловских кавалеристов» [42]. А в середине марта 1936 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов утверждал, что, *«когда наши колхозники шли вокруг Кавказского хребта, по всему краю у нас поднялось широкое движение за организацию в колхозах клубов «ворошиловских кавалеристов», и теперь «свыше 250 клубов у нас уже организовано»* [53, с. 25].

Создание и функционирование клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» продолжалось на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке вплоть до самого начала Великой Отечественной войны. Поскольку в колхозах, где преимущественно они возникали, существовали разные материально-технические возможности, то и процесс шел очень неровно. Так, Зимовниковский райком ВКП(б) в марте 1937 г. гордо отмечал, что к этому времени удалось подготовить 9 ворошиловских кавалеристов, *«из которых были отобраны отличные наездники для участия на конноспортивных состязаниях в Пятигорске и Ростове н/Д»* [54, л. 32]. В 1939 г. в том же районе действовало уже 12 кружков «ворошиловских кавалеристов», в которых занималось 50 человек [55, л. 69]. В январе 1939 г. один из селькоров Морозовского района писал в «Крестьянскую газету», что в районе работает 15 кружков ворошиловских кавалеристов [56, л. 111]. В 1940 г. в Базковском районе Дона численность таких кружков выросла с 9 до 24 [57, л. 63]. В том же году в колхозе «Донской скакун» Тарасовского района Ростовской области – родине движения «ворошиловских кавалеристов» – насчитывалось 90 колхозников, с успехом закончивших обучение

кавалерийскому делу. Кроме того, здесь сформировали еще один отряд курсантов, стремившихся освоить верховую езду, в количестве 20 колхозников и 30 школьников. Тогда же в станице Елизаветинской Азовского района Дона области действовал кружок «ворошиловских кавалеристов» [58, с. 97–98, 188].

В 1940 г. в Воздвиженском, Рагулинском, Вознесенском сельсоветах Дивенского района Орджоникидзевского края при Домах обороны создали межколхозные кружки «ворошиловских кавалеристов». Такой же кружок одновременно возник и в колхозе «Пролетарская сила» села Отказного на берегу реки Кума того же края [59]. В Наурском районе Орджоникидзевского края райком ВКП(б) решил организовать казачью полусотню на колхозных конях (которая комплектовалась в основном за счет членов кружков «ворошиловских кавалеристов»), что и удалось выполнить уже к февралю 1940 г. [60].

Заметим, что, кроме кружков «ворошиловских кавалеристов», работали Дома обороны – учреждения в системе всеобуча, целью которых являлась военная подготовка населения, в первую очередь молодежи. В сельской местности Дома обороны существовали в колхозах, совхозах, станицах и селах, создавались и функционировали за счет местного бюджета или средств колхозов и совхозов, при поддержке или прямом руководстве со стороны работников Осоавиахима, военкоматов и военных частей.

Клубы и кружки «ворошиловских кавалеристов» возникали в это же время и в Краснодарском крае. Например, в колхозе «Красный боец» Приморско-Ахтарского района Краснодарского края к августу 1940 г. насчитывалось 68 «ворошиловских всадников» [61]. Фактов образования и функционирования кружков и клубов «ворошиловских кавалеристов» (а также отрядов, полусотен, эскадронов из них) в источниках содержится предостаточно.

С другой стороны, не все казачьи районы, несмотря на четко выраженную позицию краевых и областных властей, быстро обзавелись организациями «ворошиловских всадников». Например, руководители такого казачьего района Дона, как Обливский, в обобщенном отчете за май 1938 г. – март 1940 г. скромно заметили, что у них «несколько улучшилась оборонная работа», и указали на подготовку «ворошиловских стрелков»; однако они ничего не сообщают о «ворошиловских кавалеристах» – вероятно, в районе их просто не оказалось [62, л. 42–43].

Что же собой представляли клубы «ворошиловских кавалеристов» и как проходил процесс обучения в них молодых казаков? Как можно определить их социально-правовой статус? Какие цели они перед собой ставили? Каким образом финансировались? На эти вопросы исторические источники дают вполне развернутые ответы.

Клубы (или кружки) «ворошиловских кавалеристов» («ворошиловских всадников») представляли собой, по существу, военно-спортивные негосударственные, добровольные организации. Создавались они на общественных основах в колхозах и совхозах Юга России с целью подготовки молодежи для службы в кавалерийских частях РККА, а финансировались теми предприятиями, при которых они возникали.

Иногда, впрочем, возникали такие заведения и в городах, которые, по советской традиции, претендовали на роль руководящих и объединяющих центров движения «ворошиловских кавалеристов». Истоки этой традиции уходили в 1929 г., когда в Москве по инициативе С.М. Буденного создали тогда конноспортивную школу Осо-

авиахима, работавшую на всем протяжении 1930-х гг. и оказавшую определенное влияние на возникновение движения «ворошиловских всадников» [63, с. 13]. Очевидно, С.М. Буденный учел полезный опыт московского конноспортивного кружка и поэтому в марте 1936 г. призывал южнороссийскую молодежь: *«Ограничиваться только селом нельзя. Создавать клубы ворошиловских кавалеристов нужно на фабриках и заводах. Нужно организовать работу клубов и кружков ворошиловских кавалеристов так, чтобы охватить ими наибольшее число молодежи»* [64]. Еще раньше, в самом начале февраля 1936 г., командующий войсками СКВО, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин говорил о «ворошиловских кавалеристах»: *«Движение это нельзя ограничивать только селом. Несомненно, что среди рабочей молодежи города военно-конный спорт также вызовет огромный интерес»* [65]. Хотя станичники о таких попытках говорили с некоторым сарказмом, примерно так: «Скакать корова не родилась».

И действительно, ряд организаций «ворошиловских кавалеристов» возник при учреждениях и промышленных предприятиях, в частности на Донской государственной табачной фабрике, 1-й Ростовской швейной фабрике, и т.д. Более того, официально первый клуб «ворошиловских кавалеристов» в Ростове-на-Дону создали 29 января 1936 г., причем в числе его учредителей значились представители краевого руководства (впрочем, даже в апреле 1936 г. решение о создании этого клуба все еще оставалось на бумаге). 25 февраля 1936 г. Северо-Донской окружком ВКП(б) решил организовать окружной клуб «ворошиловских кавалеристов», который, по замыслам властей, должен был *«стать организационно-методическим центром всех станичных и районных клубов»* [38, л. 76] (к началу марта такой клуб организовали в окружном центре – городе Миллерово [27; 50; 52; 64; 66]). Однако подавляющее большинство подобного рода организаций располагалось в сельской местности, в колхозах и совхозах. Заметим, в 1930-х гг. на Юге России совхозов существовало намного меньше, чем колхозов, а это сказывалось и на соотношении колхозных и совхозных клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов».

О том, что целью клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» являлась допризывная подготовка советской молодежи, неоднократно говорили представители руководства. Довольно предметно по этому поводу высказался тот же командующий войсками СКВО, по происхождению оренбургский казак, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин: *«Подготовка ворошиловских кавалеристов будет огромным вкладом в дело обороны нашей родины. С каждым новым набором армия получают много прекрасных стрелков, парашютистов, людей, знающих моторы, санитарное дело и т.д., но призывников, владеющих основами кавалерийской грамотности, армия получала до сих пор сравнительно немного. Клубы ворошиловских кавалеристов восполнят этот пробел»* [65]. О том же на съезде передовиков животноводства в феврале 1936 г. говорил и С.М. Буденный, так обосновывая создание конноспортивных организаций: *«...мы с вами имеем довольно приличную конницу и ее нужно комплектовать людьми, которые с малых лет имеют отношение к лошади»*, но даже в колхозах, где традиции верховой езды прочны, молодежь забывает о верховой езде: *«в колхозе наверняка знают природного наездника, – он садится на машину, имеет прекрасную квалификацию комбайнера, прекрасную квалификацию тракториста, шофера, – а лошади боится, она его не касается»* [67, л. 56]. А председатель Азово-Черноморского крайисполкома В.Ф. Ларин торопил казачью делегацию, приехавшую к краевому руководству 28 мая 1936 г.:

«[надо] дать в казачью дивизию уже в этом году полноценное пополнение, среди которого будет не меньше трех тысяч ворошиловских всадников, отлично владеющих конем и оружием» [68].

Основное отличие клубов от кружков «ворошиловских кавалеристов», судя по упоминаниям в источниках, заключалось в их размерах и степени организационно-юридического оформления. Клубы, по сравнению с кружками, привлекали больше людей, располагали необходимым (и полным) комплектом основополагающих документов (в частности, уставом и пр.), нередко имели в числе учредителей представителей районного, окружного или даже краевого руководства, пользовались поддержкой военных чинов и работников Осоавиахима. Кроме того, формально клубы «ворошиловских кавалеристов» расценивались как центральная организация, а кружки – как отделы (ячейки) этой организации. Так, 3 марта 1936 г. Вешенский райком ВКП(б) Азово-Черноморского края, заслушав сообщение первого секретаря райкома П.К. Лугового о необходимости создания в районе клуба «ворошиловских кавалеристов», а в коллективных хозяйствах района – соответствующих кружков, принял постановление, где указывались конкретные мероприятия в данном направлении. *«Придавая исключительно важное значение развертыванию в колхозах движения среди колхозной казачьей молодежи и взрослого казачества на звание ВОРОШИЛОВСКИХ кавалеристов»*, райком ВКП(б) постановил создать Вешенское районное временное правление клуба «ворошиловских кавалеристов» в составе нескольких работников районных властных структур (райкома и райисполкома), а также ряда председателей сельских и станичных советов и колхозов. Также решили *«обязать временное правление клуба развернуть работу по организации ячеек Ворошиловских кавалеристов по колхозам»*, *«разработать устав и организацию приемов членов клуба»*, *«завязать деловую связь с Ростовским Краевым клубом Ворошиловских кавалеристов, запросить у него примерный устав клуба»* [69, л. 69].

Впрочем, надо отметить, что практически любая организация «ворошиловских кавалеристов», будь то клуб или кружок, могла полностью рассчитывать на довольно энергичную помощь или даже прямое личное участие со стороны военных специалистов или инструкторов Осоавиахима. Как правило, инструкторы районных отделений Осоавиахима принимали активное участие в допризывной подготовке молодых казаков. Что касается военных специалистов, то командующий войсками СКВО, командарм 2-го ранга Н.Д. Каширин в начале февраля 1936 г. указывал: *«Красная армия и, в первую очередь, кавалерийские части СКВО, будут считать своей обязанностью всячески помогать этому огромному делу. Наши кавалерийские части, особенно в районах своего комплектования, могут помочь как кадровым, так и переменным составом в организации клубов и в налаживании их учебной работы. Сюда входит инструктаж, помощь учебными пособиями, предоставление эскадронных манежей и т.д.»* [65]. В марте 1936 г. Н.Д. Каширин снова настойчиво говорил о необходимости оказания помощи со стороны военных частей клубам и кружкам «ворошиловских кавалеристам» в виде инструктажа, предоставлении учебных и наглядных пособий, литературы и т.п. [70]. Тогда же Боковский райком ВКП(б) предлагал выдвигать руководителями кружков «ворошиловских кавалеристов» *«демобилизованных красноармейцев и командиров»* [49, л. 63].

Однако при всей активности инструкторов Осоавиахима и представителей подразделений Северо-Кавказского военного округа в деле содействия развитию

организаций «ворошиловских кавалеристов», **основную работу по воспитанию и военной подготовке молодых казаков выполняли казаки старшего поколения.** Причем эта сфера деятельности имела достаточно специфический характер и требовала немалых усилий и времени от людей старой закваски. Одно дело самому обладать приемами воинского кавалерийского искусства, а совершенно другое – научить приобретенным умениям и навыкам молодежь. Не каждому пожилому казаку это оказывалось по плечу. К тому же для них эта работа являлась делом добровольным, своего рода общественной нагрузкой. Тем не менее нередко старые казаки (старые и по годам, и по степени накопленного боевого и жизненного опыта) являлись не только руководителями кружков «ворошиловских кавалеристов», но также своего рода инструкторами и инспекторами, занимаясь вместе с молодежью и показывая ей на собственном примере, как надо действовать в конном бою. В прессе специально подчеркивалось, что опыт старых кавалеристов крайне важен при обучении казачьей молодежи: *«Нужно, чтобы кружки [«ворошиловских всадников»] перенимали опыт и знания старых кавалеристов, красных партизан, славных конников, которые под водительством Ворошилова и Буденного громили врагов пролетарской революции»* [64]. Не случайно 21 марта 1936 г. Северо-Донской окружком ВКП(б) решил *«принять все меры к обеспечению кружков и клубов [«ворошиловских кавалеристов»] инструкторским кадрами, путем подбора наиболее опытных казаков, хорошо знающих кавалерийское дело»* [38, л. 105].

Учитывая, что нередко в организациях «ворошиловских кавалеристов» состояла не только молодежь, но и старики-казаки, выполнявшие роль наставников, казачьи шеренги на тех или иных смотрах и парадах выглядели весьма колоритно. Один из ставропольских журналистов, описывая краевые состязания «ворошиловских конников» в августе 1940 г., не смог пройти мимо таких любопытных фактов: *«В боевых казачьих шеренгах мы видели Андрея Трофимовича Москаленко из Бурлацкого района, которому исполнилось 82 года. Сидел он в седле ровно. Загорелая, грубая от работы рука лежала на эфесе серебром отделанной шашки.*

Рядом с казаком Москаленко равняли строй Иван Шандро, Михаил Игнатенко и Николай Соколов – все из станицы Советской. Самому старшему из друзей – Мише Игнатенко – четырнадцать лет. Ивану Шандро в этом году исполнилось двенадцать. Они еще совсем малы ростом. Стремянные ремни пришлось много укоротить. Но под дружьями боевые, резвые кони. И сидят в седле юные Ворошиловские всадники так, что не оторвешь» [71]. Да и на сохранившихся фотографиях мы видим, как в конном строю соседствуют друг с другом молодые, еще безусые, и уже старые, седые казаки [72, с. 24, 30, 38, 41].

Для организации и эффективного функционирования клубам и кружкам «ворошиловских кавалеристов» требовались не только кони, но и множество сопутствующих вещей. К ним, в частности, относились: сбруя, шашки, пики, огнестрельное оружие, фураж и конюшни для конского поголовья, тир, манеж или хотя бы полоса препятствий и др. В богатых казачьих колхозах Юга России или просто тех коллективных хозяйствах, руководство которых проявляло не показную, а действительную, повседневную заботу о военной подготовке молодых казаков, организации «ворошиловских всадников» располагали всем необходимым. Один из образцовых клубов «ворошиловских кавалеристов», существовавший в селе Кевсала Ипатовского района Орджоникидзевского края, хорошо описан ставропольскими журналистами в конце 1940 г.: *«клуб имеет стандартную конюшню военного типа. В нем*

*имеется два хорошо оборудованных и светлых класса для занятий, склады для фуража и оружия. Клуб располагает клинками и винтовками для учебы. Колхозы выделили для него хороших лошадей» [73]. Однако далеко не во всех колхозах Юга России «ворошиловские конники» обладали столь же богатой материальной базой. В январе 1939 г. селькор из Морозовского района И. Изосимов с большой тревогой писал в «Крестьянскую газету», что в колхозе «Красный борец» *«надо бы приступить к организации кружков «Ворошиловских всадников» и стрелковых, но нам не оказывают помощь руководители колхоза. Коней сразу взяли на работу и одного уже успели вывести из строя. Уздечки поотобрали. Остались мы с недоуздками и с седлами без лошадей. Председатель колхоза смотрит на Осоавиахимовскую работу как на какую[-]то обузу»* [56, л. 112].*

Некоторое время представители партийно-советских властей раздумывали, стоит ли предоставлять советским казакам, прежде считавшее традиционным, право ношения холодного оружия, особенно, в связи с созданием кружков «ворошиловских кавалеристов». По этому поводу секретарь Северо-Донского округа Азово-Черноморского края В.М. Лукин в феврале 1936 г. предметно писал руководителю краевой парторганизации Б.П. Шеболдаеву: *«Прошу Вашего совета – налицо большое стремление у казаков, особенно молодежи, участников [движения] Ворошиловских кавалеристов, иметь шашки и клинки. Дело серьезное, следует-ли идти на их изыскания»* [3, л. 60–61]. Но сомнения вскоре полностью развеялись, и вопрос разрешился положительно, как о том свидетельствует уже хотя бы процитированное выше описание клуба «ворошиловских кавалеристов» села Кевсала Ипатовского района Орджоникидзевского края.

В клубах и кружках «ворошиловских кавалеристов» молодые казаки проходили начальную военную подготовку, обучаясь навыкам джигитовки, владения холодным и огнестрельным оружием, совершенствуя боевое мастерство и отрабатывая способы действий в бою путем участия в военных играх и разного рода состязаниях. Следует подчеркнуть, что процесс обучения молодых казаков в организациях «ворошиловских кавалеристов» любопытным образом сочетал в себе и традиционные черты, и советские новации. Прежде всего, казаки старших возрастов, возглавлявшие многие из этих организаций, воспитывали казачью колхозную молодежь так, как это делалось в казачьих станицах еще в досоветские времена. Например, в XIX в. на Тереке *«старые казаки в обязательном порядке обучали юношей-допризывников на специально отведенных за станицей площадках верховой езде, стрельбе, виртуозному владению холодным оружием, спортивным навыкам. Здесь юноши постигали азы джигитовки, то есть выполняли различные фигуры на коне»* [74, с. 198]. Представители старших поколений казачества, родившиеся еще в 1880-х – 1890-х гг. в бытность свою казачатами проходили обучение по традиционным методикам, под руководством своих отцов и дедов, на их личном примере. Поэтому они хорошо усвоили свои суровые уроки постижения азбучных истин кавалериста (скажем, на Дону это считалось частью системы «казачьего спаса»). По таким же методикам они обучали и молодежь советских казачьих станиц.

Методику обучения «ворошиловских кавалеристов» замечательно описал Дмитрий Ильич Петров-Бирюк в одном из своих художественных произведений – «Сказании о казаках». В данном произведении есть сюжет о том, как Алексан Петрович Щегольков, возглавлявший кружок «ворошиловских всадников» в одном из донских колхозов, учил выросшего в городе Петю Ильина (один из главных

героев произведения), премудростям конной езды и казачьей джигитовке: *«И вот начал Щегольков учить юношу казачьей сноровке. Они седлали лошадей, брали старые шашки и выезжали за станицу. Дед Алексан с Петей мчались по выгону. В их руках, как молнии, полыхали палаши. Старик показывал юноше, как надо рубить лозу, как заставить лошадь брать препятствие, как положить лошадь»* [75, с. 621]. Обучив Петю азам верховой езды, Щегольков ввел его в состав кружка «ворошиловских кавалеристов», в котором состояли «десятка полтора парней и две девушки». Перед началом занятий «дед Алексан» (как звали его ребята) приказал седлать лошадей, что и было выполнено. Затем небольшой кавалерийский отряд отправился в степь, где *«начались строевые занятия»*, а после них – скачка с препятствиями: *«один за другим лихо скакали по выгону молодые казаки и казачки, перепрыгивая через барьеры и рвы»*. Занятия закончились лишь поздно вечером [75, с. 622, 623].

Сходные описания содержатся и в иных источниках. Вот как описывал один из советских журналистов весной 1936 г. обучение «ворошиловских кавалеристов» в станице Ляпичевской¹ на Верхнем Дону: *«На краю станицы, спешившись и поставив коней в ряд, стояли казаки. Через полчаса должна начаться учебная джигитовка. Для наездников расчищена площадь»*.

На беговой дорожке стройными рядами расставлены лозы...

В состав взвода входили молодые и пожилые казаки, бригады, трактористы, звеньевые, рядовые колхозники. Они только сегодня утром оставили колхозные поля, собрались на взводное ученье, чтобы накануне Первомайских праздников еще раз проверить свою выправку и умение джигитовать. Да и кони приняли казачьи седла прямо из упряжек. Они ретиво били копытами, позвякивая отполированными стремянами...».

Но вот команда подана, и первый казак – Самсон Турченков – выехал из строя. *«Рыжий конь сначала шел под ним мелкой рысью, а потом, потянув вперед шею, пошел в карьер. Стройная посадка в седле всадника сразу показывала высокое мастерство верховой езды... На полном скаку молодой казак, на удивление всем, показывал искусные номера джигитовки. Он выскакивал из седла в левую сторону, делал быстрый и ловкий толчок о землю, перебрасывался без посадки направо и от второго толчка садился в седло. Всадник показывал все новые и новые трюки. Одно мгновение и он уже стоя скачет в седле, делает “ножницы”, а затем снова бросается с коня»*.

Затем наступает черед рубки, и пример подает сам командир взвода – Аверьян Ляпичев: *«Конь мчится во весь опор, сверкает на солнце казачья сабля. Горяч конь, горяч и всадник. Удар вправо, удар влево и одна за другой бесшумно полегли все до одной подкошенные им лозинки. Не успели вставить новые, как командир скачет обратно, но на этот раз уже стоя в седле. Снова развеваются на нем полы мундира, свистит сверкающий клинок, и опять валятся наземь скошенные лозы»* [76, с. 105–107, 109].

Поясним некоторые приемы казачьей кавалерийской подготовки. Например, «ножницы» – это особый прием вольной джигитовки, когда казак на полном скаку махом наклоняется к передней или к задней луке седла, резко подбрасывает свое

¹ Административный статус данного населенного пункта и наименование его станицей обиходное; это всегда был хутор, изначально юрта станицы Пятиизбянской Второго Донского округа, при речке Донская Царица. – А. С.

тело над седлом, перекрещивает ноги и садится спиной вперед по ходу движения лошади, а затем таким же способом возвращается в исходное положение. Прием «терская вертушка» предполагает толчок через шею коня при возврате в седло, при этом следующим движением тело всадника перебрасывается в положение «лежа на седле», одновременно это положение обязательно фиксируется вытянутой правой рукой, лишь после этого следует возврат казака в седло, для чего совершается моментальный возвратный соскок на землю. Прием «казачий обрыв» визуально представляет собой имитацию ранения и/или гибели воина, когда казак закрепляет ноги в стремях, или с помощью путлиц (ремень, на который пристегивается стремя), а затем на скаку откидывается вниз, вытянув руки к земле. Это упражнение считается выполненным, если руки полностью вытянуты и кисти рук находятся ниже головы и касаются земли. Прием «казачий вис» начинается переносом правой ноги всадника на левую сторону, затем казак левой рукой охватывает переднюю луку седла, садится на левую ногу и поворачивается спиной по ходу движения лошади, после чего просовывает колено левой ноги под путлице, вытягивает правую ногу и правую руку вдоль корпуса лошади.

Вообще существует масса иных приемов джигитовки: поднимание предметов с земли, стойка вниз головой, езда, стоя в седле, толчки с посадкой в седло через шею лошади, толчки с посадкой в седло через круп лошади, пролаз под шеей коня, пролаз под животом коня и др. Не одна юная казачка, завороченная лихостью молодых казаков, выбрала себе спутника на всю жизнь. Нам неоднократно приходилось слышать рассказы пожилых казачек, которые в юные годы бросали на скачках под ноги летящих дончаков платок или монету, а молодой казак подхватывал летевший предмет так, что тот не успевал коснуться земли и моментально возвращал его красавице-хозяйке с поклоном или с резко вздыбившегося коня. В миг это определяло судьбу для двоих раз и на всю жизнь...

Вот как описан в прессе Орджоникидзевского края процесс боевой подготовки колхозной полусотни Наурского района в августе 1940 г. с освоением приемов джигитовки: *«Полусотня прошла через станицу [Наурскую] и медленно скрылась за поворотом улиц. Там, на берегу Терека, среди крутояров и скирд она устроила широкий манеж, где ежедневно демонстрирует свою выучку и боевой опыт. На полном скаку коня молодые казаки рубят лозу, джигитуют и перелетают через плетни и барьеры, упорно овладевая искусством бесстрашной кавалерийской атаки.*

Все это достается не так просто, как может иной раз показаться постороннему человеку. Без прекрасной выучки, без опыта, смелости и волевой закалки здесь ничего не выйдет. Эти качества необходимы каждому коннику. Удар шашки происходит в две – три секунды. Работа над этим ударом в широком понимании этого слова отнимает целые месяцы» [77]. Например, донским казакам был хорошо известен так называемый «баклановский удар» (разработчик методики знаменитый в XIX в. донской генерал Я.П. Бакланов). Он позволял молниеносно разрубить всадника вертикально пополам.

Верховая езда, джигитовка, преодоление препятствий на лошади, рубка лозы известны как традиционные боевые навыки казачьих сообществ, и обучение этим навыкам в организациях «ворошиловских кавалеристов» проходило также по вполне традиционным, еще досоветским методикам. Вместе с тем в изменившихся исторических условиях 1930-х гг. процесс военной подготовки казачьей молодежи

существенно модернизируется. Современная война требовала от казаков целого ряда новых знаний и навыков, без которых не только весьма сложно победить, но и выжить в реальном бою. Теперь они в обязательном порядке учились ориентировке на местности, работе с картой, использованию противогаза и пр. Кроме того, по сравнению с подготовкой казаков в досоветские времена, в клубах «ворошиловских кавалеристов» немало внимания уделялось штыковому бою.

Как справедливо отмечали советские военные специалисты, *«ворошиловские кавалеристы не должны ограничиваться изучением верховой езды. Они обязаны постигнуть все тонкости кавалерийского искусства: сигналы, команды, правила седловки, они должны научиться совершать большие переходы, сохраняя силы коня, усвоить правила ухода и кормления лошадей. Ворошиловский кавалерист должен владеть картой, компасом, в совершенстве изучить винтовку и шашку»* [64]. Как подчеркивал один из селькоров из Морозовского района Ростовской области в 1939 г., в кружках «ворошиловских кавалеристов» *«кружковцы изучают снаряжение коня, уход за ним, снаряжение бойца, стрелковое дело и ПВХО»* [56, л. 111]. (ПВХО – противовоздушная и химическая оборона). *«Не только лихо джигитовать, искусно владеть клинком, но и поражать врага в рукопашном бою штыком и прикладом учатся молодые казаки станицы Наурской в клубе “Ворошиловских всадников”»*, – такая подпись помещалась под фотографией в одном из номеров газеты «Орджоникидзевская правда» за 8 января 1940 г. На ней фотокорреспондент запечатлел обучающий момент, как председатель Наурского районного совета Осоавиахима А.Д. Демченко демонстрировал казачьей молодежи приемы штыкового боя [78].

Молодые казаки Дона, Кубани и Терека оттачивали свои боевые навыки не только в ходе тренировок и занятий в кружках «ворошиловских кавалеристов». Способом совершенствования этих навыков и одновременно проверки уровня военной подготовки казачьей молодежи являлись конноспортивные пробеги и переходы. И особенно периодически проводимые между разными клубами «ворошиловских всадников» учебные бои и соревнования различных уровней: от колхозных и межколхозных до краевых и Всесоюзных. Победителем (чемпионом СССР) I Всесоюзных конноспортивных соревнований по конкуру-иппику¹ среди юношей (г. Ростов н/Д., 1936 г.) стал наш Учитель, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Давидович Всеволод Евгеньевич, в то время бывший простым мальчишкой с ростовской Богатыновки. При жизни он с теплотой вспоминал об особой атмосфере, царившей на ростовском ипподроме в 1930-х гг., куда приходили казаки (кто в штанах с лампасами, кто в казачьей фуражке) и помочь по хозяйственным делам, и посмотреть на соревнования [79].

Безусловно, такие соревнования являлись результатом проведения многочисленных занятий «ворошиловских кавалеристов» на местах, в колхозах и районах. Масштабные конноспортивные переходы предпринимались на Юге России еще вне связи с «ворошиловскими кавалеристами», пример чему является пробег колхозников Северо-Кавказского края вокруг Кавказского хребта или их же путешествие из Пятигорска в Ростов-на-Дону. Вместе с тем уже на заре движения «ворошиловских кавалеристов» органы власти стали привлекать молодежь к участию в кон-

¹ Конкур (от фр. *concours* – состязание) – один из основных видов конного спорта, предполагающий преодоление до 16 препятствий на определенном маршруте протяженностью от 200 до 1100 м на поле размером 75 на 40 м. Принято различать несколько видов конкура, из которых конкур-иппик считается высшим уровнем кавалерийского (спортивного) мастерства. – А. С.

носпортивных пробегах, постепенно делая акцент на принадлежности их участников к казачеству.

В частности, Северо-Донской окружком ВКП(б), действуя с согласия и под контролем Азово-Черноморского крайкома компартии, 26 января 1936 г. принял решение о конноспортивном переходе имени X Съезда ВЛКСМ «ворошиловских всадников», комсомольцев Северо-Донского округа. Переход планировали осуществить по маршруту Вешки – Москва под девизом «за Ворошиловского Донского всадника». Численность участников ориентировочно определялась в 25–30 человек, отбор кандидатур решили закончить не позднее 3–4 февраля, чтобы вызвать их в Миллерово 6 февраля на «декадную предварительную подготовку». Старт пробега намечался на 14 февраля, в день открытия окружной конференции ВЛКСМ, а финиш предполагался 1 марта, в день открытия X Съезда ВЛКСМ [38, л. 38 об.]. Добавим, что районное руководство, получив соответствующие указания Северо-Донского окружкома ВКП(б), приступило к их исполнению. Так, Вешенский райком ВКП(б) заслушал вопрос *«о военном пробеге Вешки – Москва» 28 января 1936 г. и постановил отобрать для этого «10 чел. лучших колхозников-ударников в возрасте 18–25 лет и 10 шт[ук] лошадей донской породы в возрасте от 4-х до 8 лет»; отбор участников следовало закончить к 1 февраля 1936 г.* [21, л. 30]. Однако Северо-Донской окружком ВКП(б), подчиняясь вдруг поступившему решению Азово-Черноморского крайкома ВКП(б), пересмотрел уже намеченные планы и 7 февраля 1936 г. постановил заменить ранее спланированный переход Вешки – Москва переходом Миллерово – Ростов-на-Дону, который следовало осуществить в июне того же года. Однако все-таки решили изыскать возможность направления в Ростов, к открытию краевой комсомольской конференции, 25–30 колхозных кавалеристов [38, л. 47]. Через неделю, 15 февраля, Северо-Донской окружком отправил на комсомольскую конференцию 30 «колхозников-казаков кавалеристов» [38, л. 64 об.].

Казаки воспринимали конноспортивные пробеги как своего рода казачьи состязания. Так, казаки из сводной донской сотни, побывавшей в Ростове-на-Дону на межкраевом празднике «советского казачества» в середине марта 1936 г., по возвращении в Каменск писали руководству Азово-Черноморского края: *«Просим вас организовать соревнование донских, кубанских и терских казаков на лучшую подготовку ко всесоюзному конному пробегу и в свою очередь вызываем на соревнование казаков Кубани и Терека»* [80, с. 2].

Что касается показательных боев, то они, так же, как и конноспортивные переходы, проводились на Юге России еще до развертывания движения «ворошиловских кавалеристов». Такие бои, нередко с участием местного населения, устраивались на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке в 1920-х гг. Например, осенью 1927 г. во многих населенных пунктах Донского округа Северо-Кавказского края проводились показательные бои в неделю Осоавиахима. В них *«принимала участие, помимо территориальников и допризывников, также и часть казаче-крестьянского населения»*, а *«зрителями было почти все население станиц и сёл»*, выражавшее одобрение выучкой участников [81, л. 13а]. Практика такого рода состязаний сохранялась и в 1930-х гг. В частности, в октябре 1936 г. бюро Вешенского райкома ВКП(б) одобрило инициативу райкома комсомола о проведении совместно с соседним Базковским районом военно-тактической игры «Взятие станицы Вешенской», намеченной на ноябрь того же года. Судя по материалам партийного бюро, в этой игре могли принять участие далеко не только члены кружков «ворошиловских

кавалеристов» (видимо, из-за малочисленности последних), но вообще все желающие. Решили даже организовать запись желающих, разбить их на сотни и взводы, провести обучение и выделить лошадей, а также подготовить необходимое военное снаряжение (винтовки, шашки, противогазы, седла и т.д.). [82, л. 114].

С одной стороны, для местных жителей учебно-показательные бои являлись желанным зрелищем, а другой – для «ворошиловских кавалеристов» такие мероприятия представляли собой возможность выяснить степень эффективности их обучения, определить уровень их боевой подготовки. Один из таких учебно-тренировочных боев проходил в Наурском районе Орджоникидзевского края летом 1940 г. Молодые казаки-колхозники из Наурской районной казачьей полусотни в бою доказали, что не зря проводили время в кружках «ворошиловских кавалеристов»: *«внезапной атакой полусотня прорвала фронт “синих” и, зайдя в тыл, разбила наголову всю ударную группу “врага”»* [77].

Учебно-тренировочные бои – один из важнейших элементов военной подготовки «ворошиловских кавалеристов». Ведь в ходе этих мероприятий молодые казаки отработывали полученные во время занятий военные знания и навыки, учились коллективному взаимодействию в обстановке, приближенной к боевой. Немаловажное значение для молодых казаков имел факт общественного признания их успехов в овладении воинским искусством.

Помимо учебных боев, устраивались также состязания «ворошиловских кавалеристов», которые могли быть межколхозными, а также межрайонными (краевыми или областными), межказовыми и даже Всесоюзными, в зависимости от того, насколько организаторы могли подготовить мероприятие, а, главное, получить одобрение и поддержку властей на разных уровнях управленческой вертикали. В ходе конноспортивных состязаний по скачке, джигитовке, рубке лозы, члены клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» на Юге России не только демонстрировали боевые навыки, но и проверяли уровень своей подготовки в соперничестве.

Чаще всего соревнования устраивались между различными кружками того или иного района. Так, в 1939 г. в Базковском районе Ростовской области прошло шесть районных конноспортивных и стрелковых состязаний, «где казаки района показали образцы военного знания» [57, л. 64]. В 1940 г. в Спицевском районе Орджоникидзевского края, где имелось три клуба «ворошиловских всадников», прошли три конноспортивных состязания, по итогам которых первое место занял клуб села Бешпагир [83], которое в 1832–1869 гг. являлось станицей Бешпагирской и пережило еще в XIX в. волну показачивания и волну рассказывания.

Проводились и состязания более высокого уровня. Как уже отмечалось, в мае 1936 г. в Пятигорске (тогда краевой центр Северо-Кавказского края) прошли межказовые конноспортивные состязания с участием донских, кубанских, терских казаков и горцев Северного Кавказа. В августе в Ростове-на-Дону было решено провести краевые конноспортивные состязания в честь 15-ти летней годовщины СКВО, с участием как донских и кубанских, так и терских казаков, а также горцев Северного Кавказа. Узнав о таких планах, в июле 1936 г. бюро Вешенского райкома ВКП(б) решило приложить максимум усилий для того, чтобы отправить лучших колхозников (из них не менее 20 % женщин) на эти состязания [82, л. 89]. Примечателен в этом случае именно гендерный характер принятого партийного решения.

Соревнования колхозных конников устраивались в Орджоникидзевском крае (на Осетинской поляне в городе Ворошиловске, ныне Ставрополе) в октябре

1938 г., в честь двадцатилетия комсомола [84], и в 1940 г. Проходили и Всесоюзные соревнования казаков-колхозников и членов организаций «ворошиловских кавалеристов», как о том свидетельствуют приведенные выше слова кубанского казака П.Д. Дубины [46].

Конноспортивные состязания, зачастую представлявшие собой красочные, захватывающие действия, привлекали тысячи зрителей, любовавшихся мастерством казаков-участников. В мае 1936 г. жители Пятигорска поражались ловкости терцев, донцов и кубанцев: *«...начинается массовая джигитовка. Первыми идут всадники Северного Кавказа. Они показывают прекрасные образцы вольтижировки и целый ряд сложных пирамид.*

Небольшой перерыв, и к трибуне приближаются всадники – донской и кубанский казаки. Вдруг неожиданный “выстрел”. Донец камнем летит с седла. Его друг – кубанец – заставляет свою лошадь лечь возле “раненого”. Он помогает донцу устроиться на лошади поперек седла. Затем поднимает коня, вскакивает на него и увозит товарища. Прекрасно исполненная инсценировка боевого эпизода вызывает дружные аплодисменты многотысячной толпы зрителей.

Донцы и кубанцы проходят компактной группой, создавая самые невероятные фигуры. Вот старик-калмык Басанов[донской казак,] крутит пикой легко, как маленькой тросточкой. Вот мчатся кубанцы, стоя на седлах с клинками в зубах. Привязанный под лошадью [донской казак] Алибашев на всем скаку наигрывает на гармошке. Вот один всадник скачет сразу на двух конях, поочередно перепрыгивая с одного на другого» [85].

Когда в августе 1940 г. в Орджоникидзевском крае проходили краевые конноспортивные состязания, они тоже вызвали восторженные отклики зрителей. Пресса писала: *«Наш народ любит смелых и сильных людей. Наши славные советские казаки сильные и смелые люди. Можно без конца восторгаться ловкостью и бесстрашием крепких, затянутых в черкески людей, на бешеном галопе выбрасывающихся из седел, под животом скачущей лошади преспокойно читающих газету» [71].*

Высокой оценки удостоилось искусство владения холодным оружием, которое терские казаки, члены кружков «ворошиловских кавалеристов», демонстрировали при рубке лозы (а также различных фигур, установленных на ипподроме; среди них ставропольские журналисты называли, в частности, «чучело», «шар», «кольцо», «картошка»): *«происходит произвольная рубка. Повод брошен на шею лошади. В каждой руке всадника по клинку. Третий клинок в зубах. Нужно обладать поразительной ловкостью, чтобы на полном скаку четко выполнить все упражнение. Колхозные конники работают легко и чисто. Удар выверен, и клинок не идет мимо цели» [71].*

«Ворошиловские всадники» периодически проходили квалификационные испытания. Конечным же этапом военного обучения молодых казаков являлась сдача нормативов на право получения значка «ворошиловского кавалериста». Так, к 1940 г. в Базковском районе Ростовской области удалось подготовить 103 «ворошиловских всадника» первой и второй ступени [57, л. 64]. К октябрю того же года в межколхозных кружках «ворошиловских кавалеристов» Дивенского района Орджоникидзевского края 32 кавалериста достигли «первой ступени», а к 23-й годовщине Октября в каждом кружке готовились к сдаче нормативов на получение заветного значка по 8–9 молодых колхозников [59].

Разумеется, функционирование системы подготовки «ворошиловских кавалеристов» проходило под мощным воздействием советских реалий и большевистской идеологии. Сталинский режим проявлял заинтересованность в воспитании из молодых казаков Дона, Кубани и Терека не просто настоящих бойцов, а, в первую очередь, – верных своих сторонников. Поэтому казачьей молодежи внушалось чувство верности и приверженности идеалам коммунизма и советской власти, а также преданности лично И.В. Сталину. О весьма характерных настроениях казаков (особенно казачьей молодежи) свидетельствует предметный рассказ начальника клуба «ворошиловских кавалеристов» станицы Елизаветинской Азовского района Ростовской области Н.В. Макеева о том, как молодые казаки после занятий пели песню «Дума о Сталине» (по утверждению советских журналистов, она считалась «любимой казачьей песней» в 1930-х гг. [86]):

*Собирались казаченьки на колхозном на дворе,
Думу думали большую раным-рано на заре:
Как бы нам, теперь, ребята, в гости Сталина позвать
И ему, отцу родному, все богатства показать... [58, с. 188].*

Указывая на то, что «ворошиловские кавалеристы», как и вообще казаки-колхозники, выступают самыми верными сторонниками советской власти, первый секретарь Северо-Донского окружкома В.М. Лукин не без гордости утверждал в ноябре 1936 г.: *«Другим стало колхозное казачество Дона... Нынче колхозы Дона являются несокрушимой крепостью нашей страны, а казаки-колхозники, овладевающие военной техникой в клубах ворошиловских кавалеристов, являются крепкой опорой советской власти и готовы в любой момент стать на защиту нашей прекрасной социалистической родины»* [48, л. 51].

Вместе с тем, несмотря на сильнейшее идеологическое давление, на специфическую терминологию, соответствующую эпохе (не просто «кавалеристы», но «ворошиловские кавалеристы»), можно утверждать, что введение военного обучения в казачьих колхозах Дона, Кубани и Терека представляло собой не столько советскую новацию, сколько восстановление изначальных военно-патриотических традиций казачества. Мало того, что военная подготовка молодых казаков в клубах и кружках «ворошиловских кавалеристов» осуществлялась традиционными методами. Важно подчеркнуть, что в ходе обучения казачья молодежь Юга России вольно или невольно знакомилась с культурой и традициями своего субэтноса, постепенно проникалась особым «казачьим духом».

Разумеется, далеко не все клубы и кружки «ворошиловских кавалеристов» пребывали в удовлетворительном состоянии и функционировали с должной эффективностью. Корреспондент «Крестьянской газеты» Н. Марченко писал в редакцию в конце 1938 г., что в колхозах станицы Старо-Титаровской Темрюкского района Краснодарского края *«есть снимки ворошиловских кавалеристов, но с ворошиловскими кавалеристами в станице не занимаются»* [87, с. 810]. В 1940 г. руководители Базковского района Ростовской области довольно самокритично подчеркивали: *«Значительно выросла организация ОСОАвиахим, созданы кружки ворошиловских всадников, стрелковые кружки и т.д. Однако руководство оборонной работой военный отдел райкома ВКП(б) осуществляет еще недостаточно, слабая живая связь на местах с этими организациями, приводит к тому, что*

некоторые кружки часто не проводят занятия» [57, л. 30]. Даже И.Е. Хромушин, председатель колхоза «Донской скакун» Тарасовского района Азово-Черноморского края, где и зародилось движение «ворошиловских кавалеристов» Юга России, признавал в начале 1937 г.: *«К стыду, нашему, надо сказать, что за последнее время работа нашего клуба “Ворошиловских кавалеристов” ослабла»* [88, с. 31]. Тем не менее данная форма оборонно-массовой работы, сочетавшая в себе как казачьи военно-патриотические традиции, так и советские новации, в значительной степени способствовала повышению допризывной подготовки молодых казаков – будущих кавалеристов Красной армии. В итоге функционирование клубов и кружков «ворошиловских кавалеристов» повышало «могучесть Красной Армии» [89, л. 38], получавшей подготовленное и дисциплинированное пополнение.

Кампания «за советское казачество» способствовала сохранению и развитию культурных традиций казачества. К примеру, в станице Вешенской начал действовать театр колхозной казачьей молодежи, и здесь очевидна роль донского писателя М.А. Шолохова. В Большом театре состоялась премьера оперы «Тихий Дон» в 4 действиях (6 картинах), написанной молодым советским композитором И.И. Дзержинским. Премьеру в Москве посетила делегация из 60 казаков (в том числе 11 казачек) из Северо-Донского округа. Опера ставилась на большинстве оперных сцен Советского Союза. С поездкой в Москву произошла целая история.

На 5 марта 1936 г. было намечено отправление делегации в количестве 60 казаков-колхозников («персонально отобранных», «среди них 11 чел[овек] казачек») в Москву, на просмотр оперы «Тихий Дон». При этом первый секретарь Северо-Донского окружкома ВКП (б) В.М. Лукин просил первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева: *«Было бы хорошо возглавлять поездку одним из работников Крайкома ВКП(б), или, в крайнем случае, Крайисполкома. По нашим сведениям, в Москве имеют в виду по-настоящему встретить наших казаков. Очень прошу Вас помочь предоставить нам вагон 5-го марта с поездом № 75 от Ростова до Москвы, иначе нам просто невозможно всех посадить в поезд, да и «бюджет» не выдержит»* [3, л. 59, 60].

Добавим, что отправка в Москву казаков-колхозников на прослушивание оперы «Тихий Дон» имела свою предысторию. Еще 15 февраля 1936 г. Северо-Донской окружком, заслушав соответствующую просьбу М.А. Шолохова (снова мы видим, что великий донской писатель явно имел отношение к развертыванию кампании «за советское казачество»), решил *«считать возможным послать 1-го марта с.[его] г.[ода] 50 чел[овек] – передовиков колхозников-казаков в Москву для просмотра в Большом театре премьеры [оперы] “Тихий Дон”»* [38, л. 60 об.]. Через десять дней, 25 февраля 1936 г., окружком решил увеличить число посылаемых в Москву на оперу «Тихий Дон» казаков на 22 человека, из них не менее 11 женщин [38, л. 75 об.]. Естественно, об этих планах сразу же поставили в известность вышестоящее руководство, а И.В. Сталин и В.М. Молотов в телеграмме, отправленной 1 марта 1936 г. первому секретарю Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаеву (копия телеграммы ушла первому секретарю Северо-Донского окружкома В.М. Лукину в окружной центр, город Миллерово), сообщали: *«Не возражаем против приезда 65 человек [из] Северо-Донского округа»* [90, л. 91].

В конечном итоге, как отмечалось выше, решили послать в Москву 60 казаков. Что касается содержательной стороны самой вышеназванной оперы, то, как отмечает Б.В. Соколов, она была написана молодым советским композитором

Иваном Ивановичем Дзержинским на основе одноименного литературного произведения М.А. Шолохова и представляла собой обычное для того времени пропагандистско-агитационное творение «на актуальную тему Гражданской войны». Контекстуально в опере особенно подчеркивался *«мотив победы красных над белыми, от шолоховского оригинала ее создатели в этом смысле отошли достаточно далеко»* [91, с. 172–173]. Она являлась первым из оперных произведений И.И. Дзержинского, стремившегося в своем творчестве к раскрытию проблематики большого общественного значения на основе произведений писателей своего времени. В опере «Тихий Дон» композитор широко использовал крестьянский, солдатский, революционный фольклор и включил в нее массовые песенные формы в духе утверждавшегося тогда социалистического реализма. Это не могло не произвести на приехавших в Москву донских казаков большого впечатления.

На просмотр оперы «Тихий Дон» в Москву донцы поехали в марте 1936 г. в традиционных казачьих костюмах. Вот как описывала внешний вид донских казаков советская пресса: *«На них – синие суконные, до колен, “скюртуки” или короткие ватные “мундиры”, синие суконные шаровары с широкими красными лампасами и напуском, синие картузы с красным околышем и красным кантом. Из-под лихо надетых картузов выбиваются чубы. На картузах – пятиконечные красные звездочки»* [92, с. 49–50]. Очевиден акцент приводимого журналистского описания именно на красном цвете и традиционном советском символе – пятиконечной красной звездочке. Подтекст здесь прочитывается вполне ясно: донские казаки являются в настоящее время приверженцами советской власти. Важным оказывалось не наличие казачьего костюма как такового, а именно тех элементов, которые позиционировали просоветские убеждения казаков-колхозников.

На заседании президиума Азово-Черноморского краевого исполнительного комитета 7 апреля 1936 г. принимается решение о создании Доно-Кубанского казачьего хора. Первым руководителем ансамбля Донских казаков был Н.С. Иванов. В 1936 г. при участии известного фольклориста А.М. Листопадова образовался Обуховский народный казачий хор, один из старейших на Дону коллективов, из рыболовецкого казачьего хутора Обуховка, расположенного в Азовском районе Ростовской области. В марте 1936 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) и крайисполком постановили создать хор терских казаков во главе с директором зрелищных предприятий Северного Кавказа Пищиком [93]. Примечательно, что сохранился изданный типографским способом сборник песен краевого хора терских казаков, в который вошли 23 текста произведений песенного творчества терцев как советского, так и старинного содержания [94].

После того, как в 1937 г. Дон и Кубань оформились в качестве самостоятельных административно-территориальных образований (Ростовской области и Краснодарского края), а Терек вошел в состав Орджоникидзевского края, казачьи ансамбли продолжали активно выступать. Так, в декабре 1939 г. на бюро обкома ВКП(б) Ростовской области рассматривался вопрос «О поездке Ростовского ансамбля песни и пляски донских казаков в Западную Украину». Обком констатировал, что ансамбль с успехом выполнил свою культурно-просветительную миссию, дал за месяц (с 20 ноября по 20 декабря) 36 концертов и оказал большую помощь в развитии красноармейской самодеятельности. Бюро обкома решило: премировать участников ансамбля (для чего постановило просить Управление по делам искусств при СНК СССР выделить 30 тыс. рублей), предоставить ансамблю постоянную сцени-

ческую площадку и создать условия для творческой деятельности, организовать систематическую учебу хора и балета, принять меры по сбору и использованию в репертуаре казачьего фольклора [95, л. 14–14 об].

Репертуар донских, кубанских, терских казачьих фольклорных коллективов состоял в значительной мере из старинных песен, чей «возраст» измерялся зачастую многими десятками лет. В частности, Вешенский районный казачий хор осенью 1935 г. в Москве «играл песни», которые звучали в казачьих станицах задолго до наступления советской эпохи: «Взвеселитесь, донцы – храбрые казаки», «Из-за леса, леса копий и мечей», и др. [96, с. 522]. Весной 1936 г. Базковский районный казачий хор выступал на Всесоюзном радиофестивале в г. Ростове-на-Дону с такими песнями, как «Стоял казак на пикете», «Соловейко», «Рыболов», «Послала меня мать за белой глиной» [97]. Названия песен и их содержание позволяют отчасти согласиться с Т.С. Рудиченко, отмечавшей, что в XX веке «в донской песенной традиции в активной форме бытовал преимущественно армейский репертуар рубежа XIX – начала XX вв., состоящий в основной части из песен литературного происхождения» [98, с. 129].

В то же время эпоха «великого перелома» оказала существенное влияние на казачий фольклор, дополнив его песнями, в которых прославлялись колхозная система, советское устройство и «любимый вождь товарищ И.В. Сталин». Такое дополнение можно считать неизбежным, ибо органы власти сознательно и целенаправленно стремились к осовремениванию казачьего фольклора, указывая, что «нужно дать молодежи новые песни» [99, л. 10]. Как отмечалось в это время в региональной южнороссийской прессе, *«зажиточная, культурная жизнь порождает множество новых песен. Эти песни говорят о незыблемости колхозного строя, о дружбе и единстве народов Северного Кавказа, о готовности его (терского казачества. – А.С.) в любую минуту стать грудью на защиту своей родины»* [100]. Первый секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б), подчеркивая специфику привнесенных в советский период элементов казачьего фольклора, утверждал в ноябре 1936 г.: *«В песнях, в плясках и музыке казаки и казачки колхозного Дона демонстрируют укрепление своих колхозов и быстрый подъем своего культурного уровня»* [48, л. 54]. В 1936 г. терский казак Белигуров сочинил песню с характерными строками: *«Шагай вперед, казачье племя, // Крепи колхозы! В добрый путь!»* [101].

Таким образом, в репертуаре казачьих фольклорных коллективов в 1930-х гг. сочетались (и достаточно органично) как традиционные, так и советские песни. Например, 8 апреля 1936 г. в Новороссийске состоялся радиоконцерт хора кубанских казаков станицы Раевской Азово-Черноморского края. Как отмечалось в газетной публикации, «хор выступил со своим вновь разученным репертуаром», в который вошли «Песнь о Ворошилове» и старинные произведения, – «Косари», «Ой на зори жинцы жнуть» [это искаженный вариант, верно на украинском языке «Ой на горі та й женці жнуть». – А. С.] и др. [102]. Донской историк В.С. Сидоров, характеризуя одну из сложенных на Кубани казачьих песен о радостной колхозной жизни, справедливо писал: *«Оголтелая советскость песни скомбинирована с обломками подлинного фольклора, на которые “покупается” всякий равнодушный к этому человек. А в исполнении хора дивных голосов абсолютно традиционного звучания песня-подделка превращается в эстетически значимую вещь»* [103, с. 482].

Репертуар Северо-Донского окружного казачьего хора во время его выступлений в Москве в октябре 1936 г. включал в себя как новые («Интернационал», «Песня о тов. Сталине»), так и старые («На заре было, на зореньке», «Ковыль-травушка», «Орёл»),

«Веселитесь, храбрые казаки», «Конница лихая») песни [104, л. 42 об. – 43]. Сочетание в казачьем фольклоре традиционных элементов и советских новаций хорошо заметно и в собрании старинных и советских песен, пословиц, поговорок донских казаков, подготовленном в 1938 г. Обществом изучения Ростовской области при Президиуме облисполкома [105, л. 1–26]. Эти материалы, опубликованные в том же году [106], свидетельствуют о компоновке с обязательным подчеркиванием «проклятого» дореволюционного казачьего прошлого и «счастливого» советского настоящего. Содержание досоветского фольклора отражало исключительно негативные стороны казачьей жизни (тяготы военной службы, зависимость от войсковой администрации, и пр.), в то время как советские песни, сказы, поговорки повествовали о великой любви казаков к советской власти, колхозной системе и «товарищу Сталину». Надо сказать, что, несмотря на четко выраженную идеологическую, агитационно-пропагандистскую мотивацию, сам факт собирания досоветского казачьего фольклора оказал положительное воздействие на устойчивость песен, сказов, пословиц и поговорок казаков. Думается, в определенной мере внимание к казачьему фольклору во второй половине 1930-х гг. способствовало закреплению в народной памяти тех или иных фольклорных элементов. Так, послевоенная, совершенная в 1945 г., экспедиция в гребенские казачьи станицы *«показала, что казачья песня сохранилась, она жива. Это не только остатки былевого эпоса, баллад, исторических песен, но и военно-бытовая лирика, мужская и женская, любовные песни, протяжные и частые»* [107, с. 33]. В итоге казачьи песенные традиции удалось сберечь для новых поколений казаков и текстуально, и мелодично.

Именно песенное творчество казаков, на наш взгляд, стало одним из культурных истоков кампании «за советское казачество». И донской писатель М.А. Шолохов не только хорошо знал и любил донскую казачью песню, но и отчетливо понимал, что с помощью казачьей песни можно укреплять позитивный образ донских казаков в непростые советские времена. Поэтому по его инициативе в августе 1935 г. в станицу Вешенскую из колхозов района были приглашены лучшие песенники и танцоры. В образованный казачий хор отобрали 38 человек, а его первым руководителем стал казак из хутора Терновского Арсентий Аникеевич Овчаров. После концертов в Ростове-на-Дону хор в октябре 1935 г. выехал в столицу. Вешенцы дали в Москве более 60 концертов. Довелось выступить хору и на концерте, посвященном 18-й годовщине Октябрьской революции, где присутствовал И.В. Сталин [108].

Сегодня традиции Вешенского казачьего хора продолжает муниципальный ансамбль песни и пляски «Донское сияние». С 2012 г. коллектив носит звание муниципального, а его бессменным руководителем является Александр Васильевич Чудин. Исторически этот казачий творческий коллектив получается старейшим из ныне действующих казачьих ансамблей в Ростовской области.

Специфическим элементом казачьего фольклора 1930-х гг. являлись частушки. Особенность этого малого жанра заключается в том, что по отношению к ним приходится говорить не о сочетании традиционных элементов и новаций, а о коллизии содержания. Частушки отражали живую действительность колхозной казачьей станицы Юга России, но при этом характер отражения разнился в зависимости от того, кто являлся автором частушек. Немало казачьих частушек, авторство которых принадлежало либо просоветски настроенным казакам-активистам, либо же штатным пропагандистам властных структур, воспевали неопровержимые, с их точки зрения, достоинства колхозной системы: *«Старый месяц на исходе, // Новый нарождает»*

ся. // *Кто работает в колхозе, // В хлебе не нуждается*»; *«Богатеем год от года, // Горы хлеба в закромах. // У колхозных счетоводов // Аж мозоли на руках»*; [109, с. 25, 30, 32–33, 38–39, 42–43] *«Зерно сыпется в чувалы [т.е. большие мешки], // Из чувалов через край. // Ой, чувалы дюже малы // На колхозный урожай»* [110], и т.д.

Неофициальные же частушки в своей вербальной форме выражения четко фиксировали гораздо более суровое отношение вполне определенной части южнороссийского казачества к колхозам и советской власти. Особенно жестко оценивались в этом народном фольклоре события 1932–1933 гг. в пострадавших от голода регионах, как о том свидетельствуют материалы полевых исследований, опубликованные монографии В.В. Кондрашина [111, с. 507–514]. Неофициальные частушки исполняли только в узком домашнем кругу. В частности, на Дону пели: *«Как Ленин умирал, // Сталину наказывал, // Чтобы хлеба не давал, // Сала не показывал»*; *«Едет Ленин на телеге, // А телега на боку. // Ты куда, плешивый, едешь? // Ликвидировать муку»* [112]. В данном случае казачий фольклор 1930-х гг. ярко и эмоционально отражал негативные черты советской действительности, которыми изобиловала эпоха «великого перелома».

Само же казачество, в конце концов, в большинстве своем развернулось в сторону советской власти, ибо для казака-патриота Родина могла быть только одна: та, где его родовые корни, та, где его родной дом, та, где он готов растить детей, та, которую он готов защищать до последней капли крови. И это наша общая великая Россия.

Изменение тактического курса по отношению к казакам выразилось в кампании «за советское казачество», официальный старт которой дается властями в феврале 1936 г. В то же время анализ источников позволяет утверждать, что подготовительная работа к развертыванию данной кампании началась не позднее середины 1935 г., причем к ее осуществлению самое непосредственное отношение имел известный писатель М.А. Шолохов. Не случайно первая (после 1930 г.) публикация, в которой говорилось о казаках как особой группе колхозников, вышла в конце 1935 г. под фамилией первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева, а наибольшую активность в проведении проказачьих мероприятий демонстрировало руководство Северо-Донского округа Азово-Черноморского края.

Разумеется, об «оказачивании» второй половины 1930-х гг. можно говорить лишь в той вероятностной смысловой перспективе, что в данное время власть со всей определенностью заявила о праве казачьих сообществ на существование, но только в рамках колхозной системы и социалистического общества. Никакого восстановления сословного статуса казаков как воинов-земледельцев не произошло, ибо это в корне противоречило всем мероприятиям большевиков, осуществленным в отношении казаков в предшествующий период. Тем более не произошло заметного увеличения численности казаков за счет неказачьего населения Юга России (бывших иногородних крестьян, немцев-колонистов и пр.). Документы позволяют утверждать, что все подобные предложения (исходившие, в частности, от С.М. Буденного) реализовать не удалось, хотя их авторы преследовали благую цель: устранить рецидивы сословной розни путем объявления всех жителей Дона, Кубани, Ставрополя и Терека казаками.

Не следует идеализировать кампанию «за советское казачество», выступавшей вынужденной мерой со стороны большевиков, многие из которых по-прежнему

испытывали недоверие, а то и ненависть к казакам. Об этом, в частности, недвусмысленно свидетельствует весьма сдержанная реакция самого И.В. Сталина на провозглашение его весной 1936 г. «почетным казаком-колхозником» Дона. Развернув кампанию «за советское казачество», представители власти приняли во внимание как обострение международной обстановки и угрозу надвигающейся войны (в которой военно-патриотические традиции казачьих сообществ могли оказаться полезными), так и упорное нежелание казаков растворяться в массе колхозников, сохранение ими своего субэтнического облика. Потребность в консолидации всего советского общества подстегивала большевиков и заставляла менять политические установки.

Изменив с середины 1930-х гг. тактический курс в отношении казачьих сообществ (в том числе и на Юге России), советское руководство приложило усилия к максимально полному использованию военно-патриотических традиций казачества для повышения обороноспособности Советского Союза и укрепления колхозной системы. В результате вновь формировались казачьи кавалерийские дивизии, широко развернулось движение «ворошиловских кавалеристов» и т.д. Таким образом, сталинский режим частично реанимировал прежний, военно-служилый, статус казачества.

Большинство казаков-колхозников Юга России выразили полную поддержку кампании «за советское казачество», обещая в ответ на мирные инициативы власти защищать СССР в любое время и от любых противников. Однако некоторая часть казаков не смогла простить сталинскому режиму его преступления периода сплошной форсированной коллективизации и отказала большевикам в социально-политическом союзе. Одним из негативных последствий насильственной коллективизации стал казачий коллаборационизм во время Великой Отечественной войны, хотя подавляющее большинство донских, кубанских, терских казаков в 1941–1945 гг. выступили против гитлеровцев, на стороне советской власти.

Кампания «за советское казачество» является лишним доказательством того, что расказачивания как **политики поголовного истребления казаков** в период сплошной форсированной коллективизации не осуществлялось, некорректно говорить об истреблении миллионов казаков. Мы считаем неадекватным и неправомерным использование понятия «расказачивание» по отношению к историческому периоду 1930-х гг. Да, произошло уничтожение казачьего сословия, поскольку казаки утратили сословные права и привилегии. Почти исчезло казачье единоличное хозяйство и казачья община как экономическая основа существования казачьего сословия. Вместе с тем социально-экономическая консолидация казачества действовала на другом экономическом фундаменте, на обобществленной хозяйственной базе казачьих колхозов (подчеркнем, был и такой термин!), стало развиваться личное подсобное хозяйство казаков, отчасти сохранялись единоличные хозяйства (в 1940 г. на Дону, Кубани и Ставрополье таковых хозяйств насчитывалось только по официальным данным примерно 8 тысяч [113, с. 138]), что позволило оформиться иной социальной группе, которую тогда вполне официально называли «казаки-колхозники», «колхозное казачество», а с началом кампании «за советское казачество» закрепилось и широко применялось в социально-политической практике понятие «советские казаки», хотя в обиходе само слово «казак(и)» сохранялось и никуда не делось, что и подпитывало ментальные, культурно-этнические надежды в казачьей среде на лучшие времена. Заметим, советские преобразования про-

ходили при жизни двух-трех поколений казачества, и старшие поколения хорошо помнили прежнюю, дореволюционную жизнь, могли передать не только в повседневном быту, но и в ходе кампании «за советское казачество» лучшие казачьи традиции молодым поколениям казаков.

Принимая во внимание кампанию «за советское казачество» (в ходе которой казаки, сотрудничавшие или мирившиеся с советской властью, признавались полноправными гражданами СССР), никак нельзя согласиться с утверждениями тех авторов, которые коллективизацию трактуют как завершающий этап расказачивания. Учитывая, что «расказачивание» в такой трактовке выглядит как ликвидация казаков как особой социальной общности или даже как субэтнуса (либо как ряда характеристик казачества как субэтнуса), возникает естественный вопрос: если коллективизация завершила процесс расказачивания, для кого же тогда задумывалась и проводилась кампания «за советское казачество»? Очевидно, что подобная трактовка является чрезмерно поспешной, политически конъюнктурной и опровергается конкретно-историческими материалами. Численность казаков оставалась достаточно высокой и к исходу 1930-х гг. Согласно справке Краснодарского краевого управления народно-хозяйственного учета о количестве населения, составленной не позднее 14 декабря 1937 г., *по переписи 1937 г., в Краснодарском крае из 2,7 млн жителей «предположительно» проживало более 1 млн казаков, что составляло 38,6 % к общей численности населения края и 78,3 % к численности кубанских казаков в 1915 г.* (тогда их насчитывалось более 1,3 млн) [114, с. 806].

Безусловно, трагической страницей того времени являлись массовые политические репрессии, сильно затронувшие казаков. В июле 1936 г. на места разослали закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока». Вообще общественно-политическая ситуация 1936 г. напоминала какое-то угрюмое затишье перед бурей. Но в 1936 г. на территории современной Ростовской области не был расстрелян ни один человек. Однако ловля «троцкистов» и «зиновьевцев» в стране продолжалась. Это являлось поводом для зачистки высшего партийного руководства, для уничтожения руководителей, как тогда говорили, «погрязших в бюрократизме и самоуспокоенности». Верховная власть смогла обвинить и заменить все руководство Азово-Черноморского края: Б.П. Шеболдаева, 1-го секретаря крайкома ВКП(б); М.М. Малинова, 2-го секретаря крайкома ВКП(б); В.Ф. Ларина, председателя крайисполкома.

Началась фабрикация фиктивных уголовно-политических дел. В Азово-Черноморском крае это вылилось в подготовку «заговора» не только из числа троцкистов, но и из «правых», а, кроме того, туда же «вписали» казаков-«белогвардейцев». Белогвардейцами объявили, как это не удивительно звучит, верхушку красных казаков – бывшего казачьего комиссара при ВЦИК М.Я. Макарова (донского казака станицы Алексеевской Хоперского округа) и бывшего его заместителя Ф.П. Степанова (сибирского казака станицы Котуркульской). «Троцкистом» правоохранительные инстанции признали командующего войсками СКВО, командарма 2-го ранга Н.Д. Каширина (оренбургского казака станицы Верхнеуральской).

В условиях проведения массовых репрессий и перед предстоящими выборами в органы власти предпринимается ряд мер, успокаивающих основные массы населения. В марте 1937 г. аннулируются задолженности колхозов и единоличников. И урожай в 1937 г., словно подыгрывая закореневшему во властной вертикали

И.В. Сталину, оказался небывалый. Июль 1937 г. стал переломным моментом: репрессии обрушились на рядовое казачье и неказачье население. ЦК ВКП(б) поручил всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским руководителям НКВД взять на учет всех возвратившихся из мест заключения на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебных из них немедленно арестовать и расстрелять в порядке административного проведения дел через тройки (первая категория репрессированных), а остальных, менее активных, но все же враждебных, элементов (вторая категория репрессированных) переписали и выслали в районы по указанию НКВД. Последних, как правило, ждал срок от 8 до 10 лет заключения. Таким образом, оказались обречены все, кто хоть раз проходил по пресловутой 58-й статье УК РСФСР.

Проведение массовых репрессий партийными и силовыми структурами целенаправленно планировалось, причем в среднем рассчитывали репрессировать 0,2 % населения. Руководство Азово-Черноморского края запросило лимиты по масштабам репрессирования населения для края: 6644 человека по 1-й категории (расстрельный список) и 6962 человека по 2-й категории (длительное заключение). Очевидно, что учет враждебных элементов в крае велся тщательно и был выверен до единиц. После получения списков с мест, руководство НКВД установило свой лимит для каждого региона. Нарком внутренних дел Н.И. Ежов, мыслящий круглыми числами, направил в Азово-Черноморский край лимит – 5000 по первой категории и 8000 по второй категории. Всего подлежало репрессированию 13 000 человек.

В ходе начатой силовиками 1 августа 1937 г. спецоперации, получившей название «кулацкой», только в Вешенском районе «обнаружили» и «обезвредили» 5 казачьих «подпольных организаций». В следующем, 1938 г. от региональной партийной элиты и «перестаравшихся» сотрудников НКВД последовали новые просьбы с мест об увеличении лимита на репрессии. Если средний процент осужденных по стране устанавливался 0,2 % от численности населения региона, то в Азово-Черноморском крае в итоге репрессиям подверглись 0,3–0,4 % населения. 17 ноября 1938 г. И.В. Сталин и В.М. Молотов подписали совместное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 81 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». С этого момента репрессивная политика резко изменилась. Судя по архивным документам, все, кого не успели расстрелять до ноября 1938 г., уцелели, какие бы страшные уголовно-политические обвинения им ни предъявлялись. Детально исторический сюжет о репрессиях в Азово-Черноморском крае в 1937–1938 гг. проанализировал профессор А.В. Венков [115, с. 79–90].

В целом же репрессии периода 1937–1938 гг., по сравнению с периодом уголовно-политических преследований 1930–1933 гг., носили менее массовый характер, но оказались гораздо более жестокими по характеру применяемых государством карательных мер. Соотношение 1-й (расстрельной) категории и 2-й (тюремно-лагерной) категории в 1930 г. составляло 1 : 8 – 1 : 10 (иначе говоря, на 10 заключенных приходился лишь 1 расстрелянный арестант). В репрессивной практике 1937 г. это достаточно трагическое соотношение сравнялось (1 : 1). Подчеркнем, поголовного уничтожения казачества не произошло: *«Трагические страницы истории казачества необходимо исследовать и помнить о них, а если писать об этих трагических страницах, то делать это с большим тактом, не превращать исследование в полигон для антирусского глумления»* [116, с. 289].

О том, что коллективизация на Юге России не тождественна рассказыванию и тем более она не завершила этот репрессивный процесс (политику), свидетельствуют и результаты анализа казачьей повседневности и культуры 1930-х гг. Безусловно, *«колхозное строительство» оказало сильнейшее влияние на структуры повседневности казачьих станиц Дона, Кубани, Терека. В первой половине 1930-х гг. это влияние носило преимущественно негативный характер, поскольку деструктивный импульс коллективизации привел к разрушению целого ряда казачьих станиц и снижению эффективности функционирования социальной инфраструктуры. В частности, нельзя ни в коем случае забывать региональную социальную трагедию 15 “чернодосочных станиц”»* [117, с. 57–66], равно как и попытку властей минимизировать ее последствия с помощью красноармейцев-переселенцев [118, с. 211–218]. Во второй же половине десятилетия, в результате организационно-хозяйственного укрепления колхозной системы, в казачьих станицах в широких масштабах началось строительство клубов, школ, библиотек, больниц, осуществлялась электрификация и пр. Приметы «нового быта» в это время становились все более многочисленными и зримыми, а казаки-колхозники искренне хотели «Сталину родному // Все богатства показать» [105, л. 23].

Но наряду с этим, даже в коллективизированных казачьих станицах Дона, Кубани и Терека второй половины 1930-х гг. сохранялась масса традиционных элементов культуры и быта. Это логически объясняется тем, что ускоренность модернизации «по-сталински» не позволила полностью изменить складывавшийся веками уклад жизни донцов, кубанцев, терцев. Сбережению целого ряда традиционных элементов казачьей повседневности в значительной мере способствовала и кампания «за советское казачество». Даже к исходу 1930-х гг. сохранялся и использовался в быту традиционный казачий костюм, казаки жили в традиционных жилищах и т.д. Невосполнимой утраты казачьей культуры не произошло, и в этом заключается, пожалуй, главное достижение кампании «за советское казачество» как целенаправленной партийно-государственной политики второй половины 1930-х гг.

Молодые поколения казаков, выросшие в годы советской власти, в массе своей приветствовали социалистические преобразования и выказывали поддержку всем советским реформам. В сентябре 1937 г. произошло очередное изменение административно-территориального деления. Вместо упраздненного Азово-Черноморского края появились Ростовская область и Краснодарский край. У молодых казаков по-прежнему на слуху оставались герои из числа самих казаков, такие как донской казак из хутора Семимаячный станицы Верхнекундрюченская бывшего Первого Донского округа, подъесаул Белой армии, советский генерал, трижды Георгиевский кавалер и кавалер трех орденов Красного Знамени Т.Т. Шапкин. Генеральскую карьеру в предвоенные годы сделал донской казак станицы Преображенской бывшего Хоперского округа, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды В.С. Попов, защитивший в 1937 г. диссертацию «Действия кавалерийского корпуса в прорыве» на соискание ученой степени кандидата военных наук, где отстаивал свой практический опыт как командир 4-го казачьего кавалерийского корпуса. И этот список довольно длинный.

Подчеркнем, главный исторический урок подготовки и осуществления социально-политической кампании «за советское казачество» заключается в осознании важности каждой социальной (этнической) группы для российского общества, ибо она

может и должна принести пользу своей стране во имя процветания общей Родины – великой России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Щетнев В.Е.* Рассказывание как социально-историческая проблема // *Голос минувшего*. 1997. № 1. С. 18–22.
2. Правда. 1936. 18 февраля.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 344.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 219.
5. Речь Ф.М. Сылкова на съезде передовиков животноводства // *Казачество под большевистским знаменем*. Пятигорск: Северо-Кавказское краевое государственное издательство, 1936. С. 55–57.
6. Речь Ф.Т. Токмачева на съезде передовиков животноводства // *Казачество под большевистским знаменем*. С. 62–65.
7. *Бондарев В.А.* Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополя в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 520 с.
8. *Шеболдаев Б.П.* Выступление на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации. 2 июля 1934 г. // *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы в 5 т. 1927–1939. Т. 4. 1934–1936 / отв. ред. Ю. Мошков. М.: РОССПЭН, 2002. С. 178–181.*
9. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2002. 528 с.
10. Картины былого Тихого Дона. Т. 2. М.: Граница, 1992. 223 с.
11. *Шолохов М.А.* Поднятая целина. М.: Молодая гвардия, 1960. 614 с.
12. *Скорик А.П.* Преодоление последствий работы в конце 1932 года специальной комиссии Л.М. Кагановича на Кубани (на примере передового колхоза) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 1. С. 74–82.
13. *Скорик А.П.* Прототипы шолоховских героев в документальных источниках по истории донского казачества 1930-х гг. // *Власть* (г. Москва). 2009. № 7. С. 135–137.
14. *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 344 с.
15. *Скорик А.П.* Антипатриотические настроения казачества Юга России в период коллективизации как выражение социального протеста // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2009. № 1. С. 72–76.
16. *Хохульников К.Н.* Казачью славу приумножив!.. Казачье зарубежье XX столетия. История. Культурно-историческое, духовное наследие. Ростов н/Д.: Казачье зарубежье, 2009. 496 с.
17. *Ратушняк О.В.* Казачье зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни: 1920–1960-е гг.: дис. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2017. 533 с.
18. *Скорик А.П.* Качели судьбы донского казака-репатрианта Утишева: опыт исторической биографии // *Российская государственность в судьбах народов Кавказа–XI. Материалы региональной науч.-практ. конф. Пятигорск, 26 апреля 2019 г. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 276–303.*
19. *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России) // *Российская история*. 2009. № 4. С. 104–114.
20. *Панфилец В.К.* Кубанская станица: [Станица Новолеушковская Краснодарского края]. Краснодар: Сев. Кавказ, 1993. 184 с.
21. ЦДНИРО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 82.
22. *Самсоненко Т.А.* Развитие системы социальной помощи и здравоохранения в коллективизированной деревне Юга России 1930-х гг.: дис. ... докт. ист. наук. Новочеркасск, 2011. 590 с.
23. *Осколков Е.Н.* Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 1993. № 1–2. С. 3–23.
24. *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М.: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
25. ЦДНИРО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 27.

26. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 174.
27. Молот. 1930. 27 апреля.
28. Полевые материалы автора (далее – ПМА). Информант Попова (Петрова) Александра Леонтьевна, 1930 г.р., записана в хуторе Старая Станица г. Каменска Ростовской области 10 мая 2009 г.
29. *Власкина Т.Ю.* Посаждение на коня в обрядности детского цикла донских казаков // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: мат-лы Всерос. науч. конф. (9–10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д., 2009. С. 90–93.
30. Военный билет А.А. Жужнева. // Личный архив автора. Костино-Быстрянский сельсовет (административный центр – хутор Костино-Быстрянский), ныне это Морозовский район Ростовской области.
31. *Скорик А.П., Шадрин А.В.* Воинский тип религиозности донского казачества: опыт академического эссе // Казачествоведение. 2025. Т. 1, № 3. С. 17–39.
32. Вышеград. Северодонцы вышли в Новочеркасск // Молот. 1936. 20 мая.
33. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 570.
34. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 580.
35. Постановление Северо-Кавказского крайисполкома и крайкома ВКП(б) «О краевом народном празднике в связи с предстоящим приездом в Пятигорск казаков Дона и Кубани» от 23 марта 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 24 марта.
36. Ворошиловские всадники // Молот. 1936. 29 января.
37. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р 1185. Оп. 3. Д. 84.
38. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 59.
39. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 60.
40. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11.
41. *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм: Исторические очерки. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1986. 160 с.
42. Постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О развитии конного спорта в Северо-Кавказском крае» от 13 февраля 1936 г. // Северо-Кавказский большевик. 1936. 16 февраля.
43. *Буденный С.М.* Нам нужны красные конники // Молот. 1936. 1 февраля.
44. *Егоров А.И.* Ворошиловским кавалеристам // Молот. 1936. 23 февраля.
45. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 754.
46. Письмо казака-колхозника колхоза имени 8 Марта Крыловского района [Краснодарского края] Петра Дмитриевича Дубины «Множить ряды ворошиловских всадников» // Большевик. 1938. 16 мая.
47. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 133.
48. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 72.
49. ЦДНИРО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7.
50. 86 клубов ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 4 марта.
51. Вышеград. 300 кружков ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 10 апреля.
52. Почему в Ростове нет клуба ворошиловских кавалеристов? // Молот. 1936. 10 апреля.
53. Речь Е.Г. Евдокимова на пленуме Ростовского горсовета с советскими казаками Дона, Кубани, Терек и горцами Северного Кавказа 15 марта 1936 г. // Казачество под большевистским знаменем. С. 15–30.
54. ЦДНИРО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 29.
55. ЦДНИРО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 66.
56. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 11. Д. 47.
57. ЦДНИРО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 19.
58. День нашей жизни. Статьи. Заметки. Письма. Документы. (15 мая 1940 г.). Ростов н/Д.: Ростоблкнигоиздат. 1940. 228 с.
59. Новые кружки ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 18 октября.
60. *Заикин А.* Создадим эскадроны ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 11 сентября.
61. Большевик. 1940. 30 июля.
62. ЦДНИРО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 80.
63. *Маслов С.* Всадники Буденного // Коневодство и конный спорт. 1985. № 5. С. 13–15.
64. Шире движение ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 20 марта.

65. Ворошиловские кавалеристы. Беседа с командующим восками СКВО, командармом 2-го ранга тов. Н.Д. Кашириным // Молот. 1936. 1 февраля.
66. Клуб ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 11 февраля.
67. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 216.
68. Делегация казаков Дона у товарищей Шеболдаева, Ларина и Малинова // Молот. 1936. 29 мая.
69. ЦДНИРО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 62.
70. Помощь ворошиловским кавалеристам // Молот. 1936. 20 марта.
71. *Шергов И.* Боевые сыны Терека и Кубани. На краевых конно-спортивных состязаниях // Орджоникидзевская правда. 1940. 20 августа.
72. Колхозный путь. 1937. № 1. С. 24, 30, 38, 41.
73. Клуб ворошиловских всадников // Орджоникидзевская правда. 1940. 7 декабря.
74. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д.: Российская академия образования, 2001. 280 с.
75. *Петров (Бирюк) Д.И.* Сказание о казаках. М.: Воениздат, 1973. 853 с.
76. *Шубин С.* Сыны советского Дона // Советские казаки. Очерки о бойцах, строителях социализма, верных сынах колхозного Тихого Дона. Сталинград: Крайиздат, 1936. С. 105–117.
77. *Чумак И.* Казачья полусотня // Орджоникидзевская правда. 1940. 15 августа.
78. Орджоникидзевская правда. 1940. 8 января.
79. ПМА. Информант Давидович Всеволод Евгеньевич, 1922 г.р., записан в г. Ростов-на-Дону 10 мая 2009 г.
80. Письмо донской казачьей сотни Б.П. Шеболдаеву, В.Ф. Ларину, Н.Д. Каширину. 24 марта 1936 г. // Колхозный путь. 1936. № 6. С. 2.
81. ЦДНИРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 141.
82. ЦДНИРО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 83.
83. Колхозная молодежь овладевает военными знаниями // Орджоникидзевская правда. 1940. 27 декабря.
84. *Шергов И.* Состязания колхозных конников // Орджоникидзевская правда. 1938. 1 ноября.
85. *Гуревич Л.* Праздник дружбы народов // Молот. 1936. 8 мая.
86. *Чекалин Ю.* Красное знамя // Орджоникидзевская правда. 1939. 12 октября.
87. Информационное письмо редактору «Крестьянской газеты» // Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / пред. ред. коллегии А.А. Алексеева; сост.: А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997. С. 810.
88. *Хромушин И.Е.* Путь к миллионным доходам // Колхозный путь. 1937. № 1. С. 28–31.
89. ЦДНИРО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28.
90. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 54.
91. *Соколов Б.В.* Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. М.: Вече, 2004. 384 с.
92. Донские казаки в Москве // Казачество под большевистским знаменем. С. 49–51.
93. Тов. Пищик руководит казачьим хором // Северо-Кавказский большевик. 1936. 30 марта.
94. Песни краевого хора терских казаков / отв. ред.: Ян Казьмерович, М. Ставицкий. Пятигорск: Севкавведиздат, 1936. 52 с.
95. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 178.
96. Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2 кн. Кн. 1. 1905–1941 гг. / сост., вступ. ст., коммент., примеч. В.В. Петелина. М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М.А. Шолохова. 2005. 813 с.
97. Базковский казачий хор // Молот. 1936. 18 марта.
98. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова, 2004. 512 с.
99. ЦДНИРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60.
100. Капиев Эффенди. Терская казачья песня // Орджоникидзевская правда. 1939. 12 ноября.
101. *Андреев С.* Из-за Терека буйного // Северо-Кавказский большевик. 1936. 11 декабря.
102. *Соколов Ал.* Радиоконцерт казачьего хора // Молот. 1936. 10 апреля.

103. Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 / сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д.: Гефест, 1994. 511 с.
104. ЦДНИРО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 62.
105. ЦДНИРО. Ф. 12. Оп. 2. Д. 230.
106. Фольклор Дона и Кубани. Сб. 1-й. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1938. 168 с.
107. Белецкая Е.М. Фольклор станицы Червленой: память поколений (1890–1990-е гг.) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: мат-лы 6-й Междунар. Кубанско-Терской конф. / под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Краснодар; Армавир, 2008. С. 29–35.
108. Грибанов С. Вешенскому станичному хору – 70! // Тихий Дон. 2005. 20 августа.
109. Дон волною серебрится. Частушки, пословицы и поговорки Дона / сост. П.И. Ковешников. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1979. 191 с.
110. Мекенские припевки // Орджоникидзевская правда. 1937. 24 октября.
111. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 519 с.
112. ПМА. Информант Шматова Юлия Николаевна, 1935 г.р. (1935–2018), записана в селе Верхне-Свечниково Кашарского района Ростовской области в ноябре 2008 г.
113. Бондарев В.А., Ревин И.А. Единоличные крестьянские хозяйства на Юге России в 1930-е годы // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2012. № 4(84). С. 130–140.
114. Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы / пред. ред. коллегии А.А. Алексеева; сост.: А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь, В.Е. Токарев. Краснодар: Эдви, 1997. 1120 с.
115. Венков А.В. Союз троцкистов и белых казаков, или разгром партийно-советской верхушки в Азово-Черноморском крае // Наука Юга России. 2017. Т. 13, № 2. С. 79–90.
116. Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 275–290.
117. Скорик А.П. Депортация населения «чернодосочных» станиц как антиказачья акция: причины и последствия // Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 гг.: мат-лы науч.-практ. конф. / под ред. Н.И. Бондаря, О.В. Матвеева. Краснодар: Традиция, 2009. С. 57–66.
118. Скорик А.П., Бондарев В.А. Красноармейцы-переселенцы в колхозах Дона и Кубани в 1930-х гг.: Опыт исторического исследования локально созданной социальной группы эпохи «великого перелома» // Человек на исторических поворотах XX века / под ред. А.Н. Еремеевой, А.Ю. Рожкова. Краснодар: Кубанькино, 2006. С. 211–218.

REFERENCES

1. Shchetnyov V.E. 1997. Raskazachivanie as a Socio-Historical Problem. *Golos minuvshogo*. [Voice of the Past]. No. 1: 18–22. (In Russian).
2. *Pravda*. [Pravda newspaper]. 1936. February 18th. (In Russian).
3. [Documentation Centre for the Modern History of the Rostov Region (DCMHRR)]. Coll. 8. Aids. 1. Fol. 344. (In Russian).
4. [The Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. Coll. 17. Aids. 120. Fol. 219. (In Russian).
5. Rech' F.M. Skylkova na s"ezde peredovikov zhivotnovodstva. 1936. [Speech by F.M. Skylkov at the Congress of Animal Husbandry Leaders]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem*. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]. Pyatigorsk: Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 55–57. (In Russian).
6. Rech' F.T. Tokmachyova na s"ezde peredovikov zhivotnovodstva. 1936. [Speech by F.T. Tokmachev at the Congress of Animal Husbandry Leaders]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem*. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]. Pyatigorsk: Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 62–65. (In Russian).
7. Bondarev V.A. 2006. *Krest'yanstvo i kollektivizatsiya: mnogoukladnost' social'no-ekonomicheskikh otnoshenij derevni v rajonah Dona, Kubani i Stavropol'ya v konce 20-h – 30-h godah XX veka*. [Peasantry and Collectivization: The Diversity of Social and Economic Relations in the Villages of the Don, Kuban, and Stavropol Regions in the Late 1920s and 1930s]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo SKNC VSh: 520. (In Russian).
8. Sheboldaev B.P. 2002. Vystuplenie na soveshchanii v CK VKP(b) po voprosam kollektivizatsii. 2 iyulya 1934 g. [Speech at a meeting of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the issues of collectivization. July 2, 1934]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie: Dokumenty i materialy v 5-ti t. 1927–1939. T. 4. 1934–1936*. [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dekulakization: Documents and Materials in 5 Vols. 1927–1939. Vol. 4. 1934–1936]. Yu. Moshkov (eds.). Moscow, ROSSPEN: 178–181. (In Russian).

9. Livshin A.Ya., Orlov I.B., Hlevnyuk O.V. (compl.) 2002. *Pis'ma vo vlast'. 1928–1939: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdym*. [Letters to the authorities. 1928–1939: Statements, complaints, denunciations, and letters to government agencies and Soviet leaders]. Moscow, ROSSPEN, 2002: 528. (In Russian).
10. *Kartiny bylogo Tihogo Dona*. [Paintings of the former Quiet Don]. Vol. 2. Moscow, Granica, 1992: 223. (In Russian).
11. Sholohov M.A. 1960. *Podnyataya celina*. [Raised virgin land]. Moscow, Molodaya gvardiya: 614. (In Russian).
12. Skorik A.P. 2020. [Overcoming the consequences of the work of L.M. Kaganovich's special commission in the Kuban region in late 1932 (using the example of an advanced collective farm)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. [Humanities and Legal Studies]. No. 1: 74–82. (In Russian).
13. Skorik A.P. 2009. [Prototypes of Sholokhov's characters in documentary sources on the history of the Don Cossacks in the 1930s]. *Vlast' (Moscow)*. [Power (Moscow)]. No. 7: 135–137. (In Russian).
14. Skorik A.P. 2008. *Mnogolikost' kazachestva Yuga Rossii v 1930-e gody: Ocherki istorii*. [The Diversity of the Cossacks in Southern Russia in the 1930s: Essays on History]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo SKNC VSh SFEDU: 344. (In Russian).
15. Skorik A.P. 2009. [Anti-patriotic Sentiments of the Cossacks of Southern Russia during the Period of Collectivization as an Expression of Social Protest]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. No. 1: 72–76. (In Russian).
16. Hohul'nikov K.N. 2009. *Kazach'yu slavu priumnozhiv!.. Kazach'ye zarubezh'ye KHKH stoletiya. Istoriya. Kul'turno-istoricheskoye, dukhovnoye nasledie*. [Multiplying the Cossacks' glory!.. The Cossack diaspora of the 20th century. History. Cultural, historical, and spiritual heritage]. Rostov-on-Don, Kazach'ye zarubezh'ye: 496. (In Russian).
17. Ratushnyak O.V. 2017. *Kazach'e zarubezh'e kak social'no-istoricheskij fenomen: obrazovanie, struktura, problemy obshchestvenno-politicheskoy, social'no-ekonomicheskoy i kul'turnoj zhizni: 1920–1960-e gg*. [The Cossack Diaspora as a Socio-Historical Phenomenon: Formation, Structure, and Problems of Socio-Political, Socio-Economic, and Cultural Life: 1920s–1960s]. PhD (History) Thesis. Krasnodar: 533. (In Russian).
18. Skorik A.P. 2019. [The Swing of Fate of the Don Cossack Repatriate Utishev: An Experience of Historical Biography]. *Rossiyskaya gosudarstvennost' v sud'bah narodov Kavkaza-XI. Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Russian statehood in the fates of the peoples of the Caucasus-XI. Materials of the regional scientific and practical conference. Pyatigorsk, April 26, 2019]. Pyatigorsk, PGU: 276–303. (In Russian).
19. Skorik A.P., Tikidzh'yan R.G. 2009. [Red Partisans in the Soviet Reality of the 1920s and 1930s (Based on the Materials from Southern Russia)]. *Rossiyskaya istoriya*. [Russian History]. No. 4: 104–114. (In Russian).
20. Panfilec V.K. 1993. *Kubanskaya stanica: [Stanica Novoleushkovskaya Krasnodarskogo kraya]*. [Kuban village: (Novoleushkovskaya village, Krasnodar region)]. Krasnodar, Severnyj Kavkaz: 184. (In Russian).
21. [Documentation Centre for the Modern History of the Rostov Region]. Coll. 36. Aids. 1. Fol. 82. (In Russian).
22. Samsonenko T.A. 2011. *Razvitie sistemy social'noj pomoshchi i zdravoohraneniya v kollektivizirovannoy derevne Yuga Rossii 1930-h gg*. [Development of the social assistance and healthcare system in the collectivized villages of Southern Russia in the 1930s]. PhD (History) Thesis. Novocherkassk: 590. (In Russian).
23. Oskolkov E.N. 1993. [The Tragedy of the Black-Board Villages: Documents and Facts]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*. [Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences]. No. 1–2: 3–23. (In Russian).
24. Osokina E.A. 1993. *Ierarhiya potrebleniya. O zhizni lyudej v usloviyah stalinskogo snabzheniya. 1928–1935 gg*. [The hierarchy of consumption. About people's lives under Stalin's supply system. 1928–1935]. Moscow, Izdatel'stvo MGOU: 144. (In Russian).
25. [DCMHRR]. Coll. 87. Aids. 1. Fol. 27. (In Russian).
26. [Russian State Military Archive (RGVA)]. Coll. 33987. Aids. 3. Fol. 174. (In Russian).
27. *Molot*. [Molot newspaper]. 1930. April 27th. (In Russian).
28. *Polevye materialy avtora*. [The author's field materials]. Informant Popova (Petrova) Aleksandra Leont'evna, born in 1930; recorded in the village of Staraya Stanitsa, Kamensk, Rostov Region (Oblast'), on May 10, 2009. (In Russian).
29. Vlaskina T.Yu. 2009. [Mounting a Horse in the Rituals of the Don Cossacks' Children's Cycle]. *Nacional'nye elity i problemy social'no-politicheskoy i ekonomicheskoy stabil'nosti: Materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferencii (9–10 iyunya 2009 g., Rostov-na-Donu)*. [National Elites and Problems of Socio-Political and Economic Stability: Materials of the All-Russian Scientific Conference (June 9–10, 2009, Rostov-on-Don)] / akad. G.G. Matishov (eds.). Rostov-on-Don: 90–93. (In Russian).

30. *Military ID Card of A.A. Zhuzhnev. Lichnyj arhiv avtora. Kostino-Bystryanskij sel'sovet (administrativnyj centr – hutor Kostino-Bystryanskij), nyne eto Morozovskij rajon Rostovskoj oblasti. [The author's personal archive. Kostino-Bystryansky Selsoviet (the administrative center is the farmstead of Kostino-Bystryansky), now part of the Morozovsky District of the Rostov Region].* (In Russian).

31. Skorik A.P., Shadrina A.V. 2025. [The Military Type of Religiousness among the Don Cossacks: An Academic Essay]. *Kazakovedenie*. 1(3): 17–39. (In Russian).

32. [The North-Don representatives went to Novocherkassk]. *Molot. [Molot newspaper]*. 20 of May. (In Russian).

33. [Russian State Archive of Economics (RSAE)]. Coll. 396. Aids. 3. Fol. 570. (In Russian).

34. [RSAE]. Coll. 396. Aids. 3. Fol. 580. (In Russian).

35. [Resolution of the North Caucasus Regional Executive Committee and the Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Regional People's Festival in Connection with the Upcoming Visit of the Don and Kuban Cossacks to Pyatigorsk" dated March 23, 1936]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik. [The North Caucasus Bolshevik]*. 1936. 24 of March. (In Russian).

36. [Voroshilov Horsemen]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. January 29th. (In Russian).

37. [The State Archive of the Rostov Region (SARR)]. Coll. R-1185. Aids. 3. Fol. 84. (In Russian).

38. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 59. (In Russian).

39. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 60. (In Russian).

40. [DCMHRR]. Coll. 9. Aids. 1. Fol. 11. (In Russian).

41. Voskoboynikov G.L., Prilepskij D.K. 1986. *Kazachestvo i socializm: Istoricheskie ocherki. [Cossacks and Socialism: Historical Essays]*. Rostov-on-Don, Knizhnoe izdatel'stvo: 160. (In Russian).

42. [Resolution of the North Caucasus Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the Development of Equestrian Sports in the North Caucasus Region" dated February 13, 1936]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik. [The North Caucasus Bolshevik]*. 1936. 16 of February. (In Russian).

43. Budyonnyj S.M. 1936. [We need red horsemen]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1 of February. (In Russian).

44. Egorov A.I. 1936. [Voroshilov cavalymen]. *Molot. [Molot newspaper]*. 23 of February. (In Russian).

45. [The State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory (SAMHST)]. Coll. 1. Aids. 1. Fol. 754. (In Russian).

46. [Letter from Pyotr Dmitrievich Dubina, a Cossack collective farmer from the 8 March collective farm in the Krylovsky district (Krasnodar Territory)]. *Bol'shevik. [The Bolshevik newspaper]*. 1938. 16 of May. (In Russian).

47. [Documentation Center of the Modern History of the Krasnodar Territory (DCMHKR)]. Coll. 12. Aids. 1. Fol. 133. (In Russian).

48. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 72. (In Russian).

49. [DCMHRR]. Coll. 31. Aids. 1. Fol. 7. (In Russian).

50. [86 clubs of Voroshilov Cavalymen]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 4 of March. (In Russian).

51. [300 clubs of Voroshilov Cavalymen]. *Molot. [Molot newspaper]*. 10 of April. (In Russian).

52. *Pochemu v Rostove net kluba voroshilovskih kavaleristov? [Why isn't there a Voroshilov Cavalry Club in Rostov?]*. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. April 10th. (In Russian).

53. [Speech by E.G. Evdokimov at the plenary session of the Rostov City Council with the Soviet Cossacks of the Don, Kuban, Terek, and the highlanders of the North Caucasus on March 15, 1936]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]*. Pyatigorsk, Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 15–30. (In Russian).

54. [DCMHRR]. Coll. 44. Aids. 1. Fol. 29. (In Russian).

55. [DCMHRR]. Coll. 44. Aids. 1. Fol. 66. (In Russian).

56. [RSAE]. Coll. 396. Aids. 11. Fol. 47. (In Russian).

57. [DCMHRR]. Coll. 28. Aids. 1. Fol. 19. (In Russian).

58. *Den' nashej zhizni. Stat'i. Zametki. Pis'ma. Dokumenty. (15 maya 1940 g.). [A day of our lives. Articles. Notes. Letters. Documents. (May 15, 1940)]*. Rostov-on-Don, Rostoblknigoizdat, 1940: 228. (In Russian).

59. [New clubs of Voroshilov's horsemen]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1940. 18 of October. (In Russian).

60. Zaikin A. 1940. [Let's create squadrons of Voroshilov's horsemen]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 11 of September. (In Russian).

61. *Bol'shevik. [The Bolshevik newspaper]*. 1940. 30 of July. (In Russian).

62. [DCMHRR]. Coll. 87. Aids. 1. Fol. 80. (In Russian).

63. Maslov S. 1985. [Horsemen of Budyonny]. *Konevodstvo i konnyj sport. [Horse Breeding and Equestrian Sports]*. No. 5: 13–15. (In Russian).
64. [The movement of Voroshilov's cavalymen becomes wider]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. March 20th. (In Russian).
65. [Voroshilov Cavalymen. Conversation with the Commander of the North Caucasus Military District, Army Commander of the 2nd Rank, Comrade N.D. Kashirin]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 1 of February. (In Russian).
66. [Voroshilov Cavalymen's Club]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 11 of February. (In Russian).
67. [RSASPH]. Coll. 17. Aids. 120. Fol. 216. (In Russian).
68. [A delegation of Don Cossacks at the home of Comrades Sheboldaev, Larin, and Malinov]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 29 of May. (In Russian).
69. [DCMHRR]. Coll. 36. Aids. 1. Fol. 62. (In Russian).
70. [Assistance to the Voroshilov Cavalry]. *Molot. [Molot newspaper]*. 1936. 20 of March. (In Russian).
71. Shergov I. 1940. [The Fighting Sons of the Terek and the Kuban. At the Regional Equestrian Competitions]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 20 of August. (In Russian).
72. *Kolhoznyj put'. [Kolkhoz Path]*. 1937. No. 1: 24, 30, 38, 41. (In Russian).
73. [Voroshilov Horsemen's Club]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1940. 7 of December. (In Russian).
74. Velikaya N.N. 2001. *Kazaki Vostochnogo Predkavkaz'ya v XVIII–XIX vv. [Cossacks of the Eastern Ciscaucasia in the 18th and 19th Centuries]*. Rostov-on-Don, Rossijskaya akademiya obrazovaniya: 280. (In Russian).
75. Petrov (Biryuk) D.I. 1973. *Skazanie o kazakah. [The legend of the Cossacks]*. Moscow, Voenizdat: 853. (In Russian).
76. Shubin S. 1936. [Sons of the Soviet Don]. *Sovetskie kazaki. Oчерки o bojcax, stroitelyah socializma, vernyh synah kolhoznoho Tihogo Dona. [Soviet Cossacks. Essays about Fighters, Builders of Socialism, Faithful Sons of the Collective Farm Quiet Don]*. Stalingrad, Krajizdat: 105–117. (In Russian).
77. Chumak I. 1940. [The Cossack fifty]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 15 of August. (In Russian).
78. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1940. 8 of January. (In Russian).
79. *Polevyje materialy avtora. [The author's field materials]*. Informant Davidovich Vsevolod Evgen'evich, 1922 goda rozhdeniya, zapisan v g. Rostov-na-Donu 10 maya 2009 g. [Informant: Davidovich Vsevolod Evgenievich, born in 1922, recorded in the city of Rostov-on-Don on May 10, 2009]. (In Russian).
80. [Letter from the Don Cossack Hundred to B.P. Sheboldaev, V.F. Larin, and N.D. Kashirin. March 24, 1936]. *Kolhoznyj put'. [Kolkhoz Path]*. 1936. No. 6: 2. (In Russian).
81. [DCMHRR]. Coll. 5. Aids. 1. Fol. 141. (In Russian).
82. [DCMHRR]. Coll. 36. Aids. 1. Fol. 83. (In Russian).
83. [Collective farm youth is acquiring military knowledge]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1940. 27 of December. (In Russian).
84. Shergov I. 1938. [Competitions of collective farm horsemen]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 1 of November. (In Russian).
85. Gurevich L. 1936. [Peoples' Friendship Day]. *Molot. [Molot newspaper]*. 8 of May. (In Russian).
86. Chekalin Yu. 1939. [The Red Banner]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]*. 12 of October. (In Russian).
87. [Information letter to the editor of the «Krest'yanskoj gazety»]. *Krasnodarskij kraj v 1937–1941 gg. Dokumenty i materialy. [The Krasnodar Territory in 1937–1941: Documents and Materials]*. Preface by the editorial board: A.A. Alekseeva; Compl.: A.M. Belyaev, I.Yu. Bondar', V.E. Tokarev. Krasnodar, Edvi, 1997: 810. (In Russian).
88. Hromushin I.E. 1937. [The path to million-ruble revenues]. *Kolhoznyj put'. No. 1: 28–31. (In Russian)*.
89. [DCMHRR]. Coll. 24. Aids. 1. Fol. 28. (In Russian).
90. [RSASPH]. Coll. 558. Aids. 11. Fol. 54. (In Russian).
91. Sokolov B.V. 2004. *Stalin, Bulgakov, Mejerhold... Kul'tura pod sen'yu velikogo kormchego. [Stalin, Bulgakov, Meyerhold... Culture under the shadow of the great leader]*. Moscow, Veche: 384. (In Russian).
92. [Don Cossacks in Moscow]. *Kazachestvo pod bol'shevistskim znamenem. [The Cossacks under the Bolshevik Banner]*. Pyatigorsk, Severo-Kavkazskoe kraevoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1936: 49–51. (In Russian).
93. [Comrade Pishchik leads the Cossack choir]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1936. 30 of March. (In Russian)*.

94. Kaz'merovich Yan, Stavickij M. (eds.). 1936. *Pesni kraevogo hora terskih kazakov*. [Songs of the regional choir of the Terek Cossacks]. Pyatigorsk, Sevkaavedizdat: 52. (In Russian).
95. [DCMHRR]. Coll. 9. Aids. 1. Fol. 178. (In Russian).
96. *Mihail Sholohov v vospominaniyah, dnevnikah, pis'mah i stat'yah sovremennikov*. [Mikhail Sholokhov in the memoirs, diaries, letters, and articles of his contemporaries]. In 2 books. Book 1. 1905–1941. Moscow, Sholokhov Centre, 2005: 813. (In Russian).
97. [Bazkovsky Cossack Choir]. *Molot*. [Molot newspaper]. 1936. March 18th. (In Russian).
98. Rudichenko T.S. 2004. *Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii*. [The Don Cossack Song in Historical Development]. Rostov-on-Don, Publishing House of the Rostov State Conservatory named after S.V. Rachmaninoff: 512. (In Russian).
99. [DCMHRR]. Coll. 55. Aids. 1. Fol. 60. (In Russian).
100. Kapiiev Effendi. 1939. [The Tersk Cossack song]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]. 12 of November. (In Russian).
101. Andreev S. 1936. [From beyond the violent Terek]. *Severo-Kavkazskij bol'shevik*. [The North Caucasus Bolshevik]. 11 of December. (In Russian).
102. Sokolov A.I. 1936. [Radio concert of the Cossack choir]. *Molot*. [Molot newspaper]. 10 of April. (In Russian).
103. *Krestnaya nosha. Tragediya kazachestva. Ch. I. Kak nauchit' sobaku est' gorchicu. 1924–1934*. [The Cross-bearer. The Tragedy of the Cossacks. Part I. How to Teach a Dog to Eat Mustard. 1924–1934]. Compl.: V.S. Sidorov. Rostov-on-Don, Gefest, 1994: 511. (In Russian).
104. [DCMHRR]. Coll. 76. Aids. 1. Fol. 62. (In Russian).
105. [DCMHRR]. Coll. 12. Aids. 2. Fol. 230. (In Russian).
106. *Fol'klor Dona i Kubani. Sb. 1*. [Folklore of the Don and Kuban. Collection 1st]. Rostov-on-Don, Rostizdat, 1938: 168. (In Russian).
107. Beleckaya E.M. 2008. [Folklore of the Chervlyonnaya Village: Memory of Generations (1890–1990s)]. *Iz istorii i kul'tury linejnogo kazachestva Severnogo Kavkaza. Materialy Shestoj Mezhdunarodnoj Kubansko-Terskoj konferencii*. [From the History and Culture of the Linear Cossacks of the North Caucasus. Materials of the Sixth International Kuban-Terek Conference]. N.N. Velikoj, S.N. Lukasha (eds.). Krasnodar; Armavir: 29–35. (In Russian).
108. Gribanov S. 2005. [The Vyoshenskaya Village Choir is 70 years old!]. *Tihij Don*. [The Quiet Don]. 20 of August. (In Russian).
109. *Don volnoyu serebritsya. Chastushki, posloviцы i pogovorki Dona*. [The Don is silvered by waves. Chastushkas, proverbs, and sayings of the Don]. Compl. P.I. Koveshnikov. Rostov-on-Don, Knizhnoe izdatel'stvo, 1979: 191. (In Russian).
110. Mekenskie pripevki [The Meken choruses]. *Ordzhonikidzevskaya Pravda*. [Ordzhonikidzevskaya Pravda newspaper]. 1937. 24 of October. (In Russian).
111. Kondrashin V.V. 2008. *Golod 1932–1933 godov: tragediya Rossijskoj derevni*. [The 1932–1933 Famine: The Tragedy of the Russian Village]. Moscow, ROSSPEN: 519. (In Russian).
112. *Polevye materialy avtora*. [The author's field materials]. Informant Shmatova Yuliya Nikolaevna, born 1935 (1935–2018). Recorded in the village of Verkhne-Svechnikovo, Kasharsky District, Rostov Region, in November 2008. (In Russian).
113. Bondarev V.A., Revin I.A. 2012. [Individual Peasant Farms in Southern Russia in the 1930s]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. [Bulletin of RSUH. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. No. 4 (84): 130–140. (In Russian).
114. *Krasnodarskij kraj v 1937–1941 gg. Dokumenty i materialy*. [The Krasnodar Territory in 1937–1941: Documents and Materials]. A.A. Alekseeva (ed.); A.M. Belyaev, I.Yu. Bondar', V.E. Tokarev (compl.). Krasnodar, Edvi, 1997: 1120. (In Russian).
115. Venkov A.V. 2017. [The Union of Trotskyists and White Cossacks, or the Destruction of the Party-Soviet Elite in the Azov-Black Sea Region]. *Nauka Yuga Rossii*. [Science of the South of Russia]. 13(2): 79–90. (In Russian).
116. Venkov A.V. 2018. [Genocide, famine, and other horrors in the history of the “Cossack people”]. *Novoe proshloe / The New Past*. No. 1: 275–290. (In Russian).
117. Skorik A.P. 2009. [Deportation of the population of the “chernodosochny stanitsy” (villages) as an anti-Cossack action: causes and consequences]. *Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932–1933 gg. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii*. [Historical Memory of the Population of Southern Russia about the Famine

of 1932–1933. *Materials of the Scientific and Practical Conference*]. N.I. Bondarya, O.V. Matveeva (eds.). Krasnodar, Tradiciya: 57–66. (In Russian).

118. Skorik A.P., Bondarev V.A. 2006. [Red Army Resettlers in the Collective Farms of the Don and Kuban Regions in the 1930s: A Historical Study of a Locally Created Social Group during the “Great Breakthrough”]. *Chelovek na istoricheskikh povorotakh XX veka. [Man at the Historical Turning Points of the 20th Century]*. A.N. Eremeeva, A.Yu. Rozhkov (eds.). Krasnodar, Kuban’kino: 211–218. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СКОРИК Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова; г. Новочеркасск, Российская Федерация.

ALEXANDER Pavlovich Skorik – Doctor of Historical Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation; Platov South Russian State Polytechnic University (NPI); Novocherkassk, Russian Federation.

E-mail: s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

© А.П. Скорик, 2026

Дата поступления в редакцию: 01.08.2026.

Дата принятия статьи: 07.08.2026.